

КАК КО МНЕ ПРИШЛА ТЕОСОФИЯ

I

В Древней Греции

Моя первая встреча с тем, что можно уже определенно назвать теософией, состоялась в 504 г. до н. э., когда мне выпала удивительная честь и удовольствие посетить великого философа Пифагора. Я родился в одной из знатных афинских семей, принадлежавшей к сословию эвпатридов — эта семья предоставляла достаточно хорошие условия и благоприятные возможности для прогресса. Этот визит был самым важным событием моей юности и произошел следующим образом. Один мой родственник предложил взять нас с братом, который был на год или два моложе, с собой в путешествие на корабле, в долю владения которым он входил. Это было торговое путешествие по греческим островам и азиатскому берегу, и с неспешными методами тех времен оно заняло почти год, в течение которого мы посетили многие места и видели не только красивые пейзажи, но и множество чудесных храмов, украшенных изысканными статуями.

Среди прочих островов мы посетили Самос; и там-то мы и встретили Пифагора, который тогда уже был в преклонном возрасте и очень близок к смерти. Некоторые историки думали, что этот мудрец был убит, когда его школа в Кротоне была разрушена из-за распространившихся в народе предрассудков; другие же, признавая, что он выжил в этой катастрофе, считали, что он умер много позже, в Метапонтуме. Но похоже, что ни то, ни другое не верно. Став очень стар, он оставил свои школы в Великой Греции* и вернулся в свою вотчину на Самосе, чтобы окончить свои дни там, где он их начал; и случилось так, что мы удостоились великой привилегии увидеть его там во время нашего путешествия.

* Так назывались греческие колонии на Сицилии и в Италии. — *Прим. пер.*

Его главным учеником в то время был Клейнеас (теперь — Учитель Джуал Кхул); он был чрезвычайно добр к нам и, терпеливо отвечая на все наши энергичные вопросы, объяснял нам систему пифагорейской философии. Нас сразу же самым сильным образом привлекло разъясненное нам учение, и мы очень захотели вступить в школу. Клейнеас сказал нам, что её отделение скоро будет открыто в Афинах, а покамест дал нам множество наставлений по этике, учению о реинкарнации и мистерии чисел. Слишком скоро наш корабль был готов к выходу в море (к счастью, он тогда потребовал переоснастки) и нам с сожалением пришлось покинуть Пифагора и Клейнеаса. К нашей великой и трепетной радости, когда нас позвали попрощаться с ним, старый философ благословил нас и с особой

значительностью сказал: "Мы еще встретимся". Через год или два мы слышали о его смерти и часто удивлялись, какой же смысл вкладывал он в эти слова, но когда в нынешнем воплощении мне впервые выпала честь встретиться с Учителем Кут Хуми, он вызвал в моей памяти эту давнишнюю сцену и сказал: "Разве я не говорил тебе, что мы встретимся снова?"

Вскоре после смерти Пифагора Клейнеас сдержал свое обещание приехать в Афины и основать там школу философии, и естественно, мы с братом оказались среди первых его учеников. Его учение привлекло множество людей, и эта философия заняла в мысли того времени очень высокое место. За исключением того, что было действительно необходимо для управления фамильным имением, я посвятил практически всё свое время изучению и преподаванию этой философии, и даже унаследовал положение Клейнеаса после того, как он покинул этот мир.

Мое отношение вначале

Может быть, как раз благодаря этой полной преданности высшей мысли у меня был необычайно длинный период пребывания в небесном мире — чуть более 2300 лет. В какой степени этот факт повлиял на мою нынешнюю жизнь, я сказать не могу, но в это воплощение я прибыл без всякого определенного воспоминания обо всём том, чему я научился ценой такого количества времени и трудов. В начале своей жизни я вообще ничего не знал об этих предметах, но теперь, оглядываясь на тот период, я могу видеть, что я оказался обладателем набора убеждений, очевидно, вынесенных из той другой жизни.

Середина XIX века была временем широкого распространения материализма, неверия или по меньшей мере неуверенности по части религиозных вопросов и презрительного отвергания возможности всякого внефизического проявления. Даже ребенком я сознавал, что люди горячо спорили о существовании Бога и возможности существования в человеке чего-то такого, что выживает после смерти, но когда я слышал такие дискуссии, то молчаливо удивлялся, как люди могут быть столь глупыми, поскольку у меня была непоколебимая внутренняя уверенность в этом, хотя я и не мог обоснованно защитить свою веру, или хотя бы выдвинуть какой-нибудь аргумент в её поддержку.

Но я *знал*, что Бог есть, что он добр, и что смерть — вовсе не конец жизни. Даже в том возрасте из этих вещей я мог сделать вывод, что всё так или иначе должно быть хорошо, хотя так часто и кажется, что всё идет плохо. Отлично помню, в какой ужас я пришел (и боюсь, что также и очень разозлился) когда мой маленький товарищ по играм познакомил меня с теорией ада. Я сразу же стал ему возражать, но он настаивал, что это правда, потому что так сказал его отец. В сильном негодовании я отправился домой, дабы проконсультироваться со своим отцом по поводу этого немыслимого безобразия, но он лишь улыбнулся, как подобает терпимым людям, и сказал: "Да, мой мальчик, я и сам ни на мгновение в это не поверю, но очень многие верят в это, и бесполезно пытаться их переубедить — тебе придется просто смириться с этим". Так постепенно я убедился, что

собственное внутреннее убеждение, каким бы сильным оно ни было, не является действенным в качестве аргумента против ортодоксального мнения.

Похоже, из своего греческого воплощения я принес и еще один маленький любопытный отрывок воспоминаний. В детстве мне часто снился один дом, совершенно непохожий ни на один из тех, которые мне тогда были знакомы на физическом плане — он был построен вокруг центрального внутреннего дворика с фонтанами, статуями и кустами, на который выходили все комнаты. Он снился мне, пожалуй, по три раза в неделю, и я знал в нем каждую комнату и всех живших в нем людей. Я постоянно описывал его своей матери и рисовал его план. Мы называли его моим домом снов. По мере того, как я рос, он снился мне всё реже, пока наконец полностью не изгладился из моей памяти. Но однажды, гораздо позже, чтобы что-то проиллюстрировать, мой учитель показал мне картину дома, в котором я жил в прошлом воплощении, и я сразу же его узнал.

И хотя, как я уже сказал, у меня была абсолютная внутренняя убежденность касательно жизни после смерти, я скоро понял, что в дискуссиях с другими по этому вопросу огромным преимуществом было бы нечто такое, что могло бы дать свидетельство, доступное на физическом плане. Помню, что когда я был ещё совсем мальчиком, мне попалась книга Кроу "Ночная сторона природы", которую я прочитал с огромным интересом. И мне казалось, что будь у меня возможность непосредственно исследовать случаи, подобные ему описанным, то со временем я непременно смог бы прийти к чему-то такому, что можно было бы привести в качестве убедительного аргумента.

Личные исследования

Иногда в какой-нибудь газете появлялся отчет о появлении привидения или любопытных событиях в беспокойном доме; и когда бы мне ни попадалось что-либо в этом роде, я сразу же отправлялся на место происшествия, расспрашивал всякого свидетеля, которого удавалось найти, и тратил приличное количество времени и сил, стараясь лично обнаружить призрачного посетителя. Конечно же, в большом количестве случаев всё было впустую — либо не находилось свидетельств, достойных упоминания, либо разыскиваемый призрак отказывался являться. Даже когда находился свидетель, который мог рассказать разумную и заслуживающую доверия историю, призрак, похоже не задерживался настолько долго, чтобы можно было рассказать что-либо особенно интересное, или, скорее, долго там не задерживался сам свидетель!

И всё же, среди утомительного однообразия неудач иногда появлялся яркий оазис определенного успеха, и скоро я собрал достаточное количество прямых свидетельств, которые вполне убедили бы меня самого, если бы я нуждался в таком убеждении. В то же время я исследовал также множество случаев так называемого "второго зрения",* особенно в горных районах. И снова я обнаружил, что всякому непредубежденному человеку, который возьмет на себя такой труд, легко убедиться в действительности этого явления.

* Способность предвидения; о ней автор рассказывает в своей книге "Ясновидение". —
Прим. пер.

Спиритизм

К сожалению, в то время я был в полном неведении относительно еще одного возможного направления исследований — спиритизма. В первый раз, насколько я могу припомнить, я услышал о подобных вещах в связи с сеансами, которые м-р. Д. Д. Хоум проводил с императором Наполеоном III. Преп. Морисом Дэвисом в "Дэйли телеграф" была опубликована серия статей с их описанием. Но сделанные им заявления показались мне в то время совершенно невероятными, и читая однажды вечером своей матери одну из этих статей, я выразил сильное сомнение в точности его описания.

Статья, однако, оканчивалась замечанием, что всякий, кто чувствует, что неспособен поверить в эту историю, может легко убедиться в возможности всего этого, собрав нескольких друзей и попросив их тихо посидеть вокруг небольшого столика в темноте или при приглушенном свете, положив на поверхность столика кисти рук. Там говорилось, что еще более простой метод состоит в том, чтобы положить на стол обычную шелковую шляпу полями вверх, и вдвоём или втроём легко опустить руки на её поля. Утверждалось, что шляпа или стол тут же начнут вращаться, тем демонстрируя существование силы, не находящейся под контролем ни одного из присутствующих.

Это звучало очень просто, и моя мать предложила, поскольку как раз смеркалось и время представлялось подходящим, тут же сделать эксперимент. Согласившись, я взял небольшой круглый столик с ножкой посередине, который обычно служил подставкой для цветочного горшка с большой аронниковой лилией. Я принес свою собственную шелковую шляпу с вешалки из прихожей, положил её на стол, и мы опустили руки на её поля, как и было предписано. Единственным человеком, который присутствовал при этом кроме моей матери и меня, был двенадцатилетний мальчик, который, как мы позже обнаружили, оказался сильным физическим медиумом, но тогда я ничего о медиумах не знал. Не думаю, что кто-то из нас ожидал вообще какого-нибудь результата, и сам я был несказанно удивлен, когда шляпа совершила легкий, но явный полуоборот на полированной поверхности стола.

Каждый из нас подумал, что шляпу неосознанно повернул кто-то другой, но она сама скоро внесла ясность в этот вопрос, поскольку стала крутиться и вертеться столь энергично, что нам уже было трудно удерживать на ней свои руки. По моему предложению мы подняли руки, но шляпа поднялась вместе с ними, будто была к ним прикреплена, и краткое время оставалась подвешенной на высоте около 5 см, пока не упала обратно на стол. Это новое явление поразило меня еще больше, и я попытался добиться повторения того же результата. В течение нескольких минут шляпа отказывалась откликаться, но когда наконец она поднялась, как и раньше, то подняла с собою и стол! Моя собственная, знакомая

мне шляпа, за которой я никогда не подозревал никаких оккультных качеств, таинственно висела в воздухе, касаясь лишь кончиков наших пальцев, и не довольствуясь пренебрежением к законам гравитации со своей собственной стороны, приобщила к своей славе и стол, подняв и его! Я посмотрел вниз, на ножки стола — они были примерно в 15 сантиметрах от ковра, и ноги никого из нас их не касались, и даже не были поблизости! Я поставил под них свою ногу, но там точно ничего не было — по крайней мере, ничего ощутимого физически.

Конечно же, когда шляпа первый раз начала двигаться, у меня промелькнула мысль, что мальчик как-то нас разыгрывает, но во-первых, было очевидно, что он этого не делал, а во-вторых, он и не мог достичь такого результата незаметно. Примерно через две минуты стол отвалился от шляпы и упал, и почти сразу же она последовала за своим товарищем, но эксперимент удалось повторить несколько раз с интервалами в несколько минут. Затем стол стал трястись и сбросил шляпу прочь — это был явный намек для нас, если бы кто-нибудь из нас знал достаточно, чтобы его понять. Но никто из нас и понятия не имел, что делать дальше, хотя нас весьма заинтересовали эти необычайные движения. Сам я ни в коей мере не считал этот феномен проявлением умершего, а расценивал его просто как открытие некой странной новой силы.

Это достаточно легкомысленное начало побудило меня к дальнейшим изысканиям, и я скоро обнаружил, что существует обширная литература, посвященная этому предмету, и что я могу значительно продвинуть свои исследования при помощи сеансов с регулярными медиумами. Конечно, я обнаружил некоторое количество мошенничества, и еще больше — глупости, но вскоре смог убедиться, что вне всяких сомнений по крайней мере некоторые проявления происходили благодаря действию тех, кого мы называем мертвыми.

Практически не было такого феномена, о котором я читал в книгах по спиритизму или слышал в спиритических кругах, и которому бы сам я не был свидетелем при определенных условиях проверки. Всякий читатель, желающий ознакомиться с более полным отчетом о моих исследованиях и их результатах, найдет его в моей книге "По ту сторону смерти".

Я довольно подробно рассказал об этих событиях раннего периода моей жизни, чтобы объяснить читателям умонастроение, в котором я находился, когда передо мной наконец появилась теософия, что, как я думаю, объяснит то, как я сразу же на нее отреагировал. Пожалуй, я должен упомянуть и еще один случай из моей жизни до теософии, который, каким бы незначительным он ни был сам по себе, предрасположил меня к принятию многих вещей, в которых я иначе бы засомневался.

История о мадам Блаватской

Первые вести, вообще услышанные мною о нашей великой основательнице, Е. П. Блаватской, были любопытными и характерными, и это стало важнейшим событием в моей жизни, хотя тогда я этого и не знал. Мой верный школьный друг

выбрал своей профессией морское дело, и примерно в 1879 году был вторым помощником капитана одного из каботажных судов пароходной компании Британской Индии "Бритиш Индия Стим Навигэйшн ко". По пути из Бомбея в Коломбо Блаватской случилось плыть на этом пароходе, и таким образом, мой друг соприкоснулся с этой удивительной личностью.

Он рассказал мне о ней две прелюбопытные истории. Однажды вечером он находился на мостике, тщетно пытаясь при сильном ветре раскурить трубку. Будучи на посту, он не мог оставить мостик, так что он чиркал спичку за спичкой, только чтобы наблюдать, как пламя сразу же задувается ветром. Наконец, с досадой он бросил свои попытки. Выпрямившись, он увидел перед собой темную фигуру, укутанную в плащ, и ясный голос Блаватской обратился к нему:

— Что, не можете её зажечь?

— Нет, — ответил он, — да я и не верю, что кто-то в состоянии удержать спичку зажженной при таком ветре.

— Попробуйте ещё раз, — сказала Блаватская.

Он усмехнулся, но всё же зажег еще одну спичку, и он уверял меня, что среди этого ветра, и совершенно незащищенная от него, спичка горела ровным пламенем, пока оно не дошло до державших её пальцев. Он был так поражен, что даже забыл зажечь свою трубку, а Блаватская только засмеялась и ушла.

Другой случай во время этого путешествия произошел с первым помощником, который в присутствии Блаватской сделал какое-то обычное замечание о том, что он будет делать во время обратного рейса из Калькутты. (Эти пароходы курсировали вдоль берега из Бомбея в Калькутту и обратно.) Она прервала его, сказав:

— Нет, вы не сделаете этого, потому что вообще не совершите обратного рейса. Когда вы прибудете в Калькутту, то будете назначены капитаном на другой пароход и отбудете в ином направлении.

— Мадам, — сказал первый помощник, — мне очень хотелось бы, чтобы вы были правы, но это невозможно. Верно, у меня есть капитанская лицензия, но в списке на занятие такой должности передо мной еще много других претендентов. Кроме того, я подписал договор на работу на каботажных линиях на пять лет.

— Всё это не имеет значения, — ответила Блаватская, — вот увидите, что случится, как я говорю.

И *так и произошло*, поскольку когда пароход пришел в Калькутту, оказалось, что неожиданно появилась вакансия (я думаю, что из-за внезапной смерти капитана), и никого не оказалось под рукой, кроме того самого помощника капитана. Так пророчество, которое казалось столь невозможным, было буквально исполнено.

Через годы после этого, когда мы с м-ром Ван Маненом плыли с Явы в Индию, я оказался на корабле, капитаном которого был тот самый человек, который фигурировал в рассказе моего друга, и он рассказал мне эту историю от первого лица, причем она точно совпала с ранее слышанной мною версией.

Сами по себе не столь уж важные, эти случаи оказались для меня многозначительными, и их косвенное влияние было важным, — ведь менее чем через год после этого разговора в мои руки попала книга А. П. Синнетта "Оккультный мир", и как только я увидел упомянутое в ней имя Блаватской, то сразу же вспомнил истории, рассказанные моим другом. Естественно, что весомые свидетельства о её паранормальных силах, полученные мною из первых уст, предрасположили меня к тому, чтобы допустить возможность тех других новых и странных вещей, о которых писал Синнетт, и так эти две маленькие истории сыграли немаловажную роль в моей жизни, поскольку подготовили меня к быстрому и охотному принятию истин теософии.

II

"Оккультный мир"

Я уже упоминал, что первой книгой по теософии, попавшей мне в руки, был "Оккультный мир" А. П. Синнетта. Я увидел её в букинистическом каталоге, и меня так привлекло название, что я тут же её заказал. Естественно, меня глубоко заинтересовали содержащиеся в ней истории, но истинное её очарование заключалось в даваемых ею проблесках удивительной системы философии и своеобразной внутренней науки, которая похоже, действительно могла рационально объяснить жизнь, а также причину многих феноменов, которые мне приходилось наблюдать.

Конечно, мне очень захотелось узнать об этом гораздо больше, но тогда я совершенно не был знаком с обычаями литературного мира, так что совсем не знал, как получить дальнейшую информацию. Теперь, из позднейшего опыта, я вижу, что нужно было просто написать автору, направив письмо через издателя, но тогда это решение не пришло мне в голову. В конце своей книги м-р Синнетт замечает:

"Некоторые читатели, заинтересовавшись этим, но не очень представляющие, что можно предпринять практически, могут спросить, что же они могут сделать, чтобы показать, что они ценят эту возможность. За образец для своего ответа я возьму знаменитое предписание сэра Роберта Пила: "регистрайтесь, регистрируйтесь, регистрируйтесь". Сделайте первый шаг в качестве отклика на предложение, исходящее из оккультного мира, — зарегистрируйтесь, иными словами, вступайте в Теософическое Общество — единственную в наше время ассоциацию, каким-либо признанным образом связанную с Братством адептов Тибета".

Я очень хотел последовать этому совету, но это оказалось вовсе не легко. Автор упомянул, что в Лондоне есть Теософическое Общество, но не дал его адреса, и я тщетно искал его в почтовом справочнике. Я много расспрашивал друзей, но не нашел никого, кто мог бы помочь мне в моих поисках.

Вскоре после этого, однако, я отправился в Шотландию исследовать свидетельства "второго зрения" горцев, и по всей видимости случайно (хотя я сомневаюсь, что вообще что-либо может произойти случайно) на столе в читальне гостиницы я обнаружил тоненький спиритический журнальчик — едва ли больше брошюры. Кажется, он назывался "Лучи Света" или как-то в этом роде. В нем было объявление, где упоминалась д-р Анна Кингсфорд, президент Лондонской Ложи Теософического Общества, и говорилось, что она является женой ректора или викария какого-то городка на западе — кажется, он назывался Этчем. Естественно, я ухватился за этот ключ и сразу же написал ей в этот приход с просьбой о дальнейшей информации. Прежде чем я получил ответ, прошло некоторое время, поскольку, как выяснилось потом, она отдыхала где-то на континенте, и ответом этим оказался всего лишь печатный циркуляр, впрочем, очень красиво напечатанный, с большим количеством серебра вокруг. Но в нем были те сведения, в которых я нуждался — адрес секретаря в Лондоне, а кроме того, в нем сообщалось, что для вступления в Общество нужно получить рекомендации двух его членов.

Как я вступил

Секретарем оказался м-р Кёрби (не тот Кёрби, который потом стал столь известен в связи с работой Общества в Италии, а тот, который вместе со Спенсом написал "Энтомологию" — книгу, которую я изучал, еще когда был мальчиком). Я тут же ему написал, указав, что желаю вступить, но не имею удовольствия быть знакомым ни с одним из членов, и спросил, что делать в таком случае. Опять мне пришлось долго ждать ответа, поскольку м-р Кёрби тоже был за границей — кажется, взбирался на горные пики Швейцарии, но наконец он строго ответил мне, что правила непреложны, и исключений быть не может, но затем он подумал, что я мог бы обратиться к А. П. Синнетту или Дж. Б. Финчу.

Я принял это предложение и написал м-ру Синнетту, впрочем, почти и не надеясь, что он действительно может оказаться автором книги, которая произвела на меня столь глубокое впечатление. Его ответ скоро внес ясность в этот вопрос, и он пригласил меня приехать в Лондон встретиться с ним. Он только недавно вернулся из Индии и временно остановился в доме своей тещи, миссис Эденсор, в Роял Крессент, Нэттинг Хилл. Он принял меня очень сердечно и с большой любезностью, и конечно, мы много говорили о его книгах (к тому времени я разыскал и "Эзотерический буддизм") и удивительных откровениях, которые они содержали. Чем больше я слышал о теософии, тем сильнее мне хотелось узнать всё, что только может быть мне рассказано, но когда я заговорил о вступлении в Теософическое Общество, м-р Синнетт помрачнел и выразил мнение, что это вряд ли получится, поскольку, как он видит, я священник!

Я конечно удивился, почему это общество должно делать различие в зависимости от одежды, и наконец, решился робко задать этот вопрос. М-р Синнетт ответил:

"Видите ли, у нас принято обсуждать всякий предмет и всякое верование с самого начала, без всяких предрассудков, и я боюсь, что на наших встречах вы скорей всего услышите много такого, что может основательно вас шокировать".

За несколько лет до этого я уже посещал некоторые лекции г-жи Безант* в Зале Науки на Олд Стрит, возле Сити Роуд, и подумал, что после этого уже ничто, сказанное членами Теософического Общества, не сможет серьезно меня оскорбить; так что я, улыбаясь, уверил м-ра Синнетта, что я священник не *того* сорта, и вполне готов присоединиться к любой дискуссии, вне зависимости от верований её участников. Тут Синнетт несколько оттаял, и даже сказал, что если дело действительно обстоит так, для него будет особым удовольствием принять священника; но прежде чем предпринять столь решительный шаг, он должен посоветоваться с Советом. Так нам пришлось остановиться на этом, и я вернулся в свой сельский приход, находившийся в пятидесяти милях, в Хэмпшире.

* Анни Безант до своего знакомства с теософией выступала с позиций агностицизма. — *Прим. пер.*

Мистер А. П. Синнетт

В течение недели я получил от Синнетта письмо, сообщавшее, что большинство Совета согласилось меня принять, и что если я заполню необходимые бланки, он сам будет рад быть моим рекоммендатором, а за второй рекоммендацией он посоветовал мне обратиться к м-ру Финчу, который, вероятно, её даст, если я произведу на него благоприятное впечатление. М-р Финч оказался столь же любезен, как и м-р Синнетт, и вскоре меня уведомили, что я, наконец, принят в члены Общества, и если я в назначенный вечер прибуду в дом к Синнетту, то могу пройти посвящение. К тому времени м-р Синнетт переехал в свой собственный дом в Лэдброук Гарднс, куда я исправно явился в назначенное время.

Я обнаружил, что в тайны Общества меня будут посвящать вместе с двумя другими кандидатами — профессором Круксом и его женой. Даже тогда я сознавал выпавшую мне честь быть принятым вместе со столь выдающимся ученым — ведь хотя Крукс тогда не был еще "сэром Уильямом", он был известен мне как открыватель таллия, изобретатель радиометра и апологет теории лучистой материи. В те времена вступление в Теософическое Общество было предприятием, внушавшим некоторый трепет. Большая гостиная Синнетта была наполнена до отказа, фактически собрание перетекало даже на лестничную площадку и немного на лестницу. Полагаю, там было около двухсот человек, включая некоторых знаменитостей — таких как профессор Маерс, Ч. Ч. Мэсси, Стэйнтон Мозес и другие. Нас троих вместе посадили на диван, стоявший посреди собрания, и м-р Синнетт, произнеся речь о целях и работе Теософического Общества, должным

образом передал нам знаки и пароли, при помощи которых мы смогли бы узнавать своих братьев в любой части света. С тех пор эти знаки и слова в большинстве стран вышли из употребления, хотя я думаю, что наш президент, д-р Безант, всё еще сообщает их всем новым членам, которых она принимает в Индии.

После этого я приезжал в Лондон каждую неделю, пропустив лишь несколько собраний. Фактически, м-р Синнетт был столь гостеприимен, что дал мне постоянное приглашение обедать и ночевать у него в доме во время этих посещений, поскольку я жил в пятидесяти милях оттуда. На этих обедах и встречах, следовавших за ними, я встречал многих известных людей и слышал множество очень интересных и поучительных разговоров. Нужно помнить, что все учения в то время были для нас еще совершенно в новинку, по многим моментам наши сведения были еще очень несовершенны, и потому было много пространства для дискуссий. Планетные цепи, разные планы природы и состояния сознания на каждом из них — все эти вещи для нас были свежим откровением, и нам стоило немалых трудностей привести в гармонию заявления, рассыпанные по ответам на разнообразные вопросы, заданные Учителям м-ром Синнеттом. Солнце нашего президента, Анни Безант, тогда еще не возшло над теософическим горизонтом, и у нас не было никого, чтобы распутывать тугие клубки или приводить в гармонию с виду противоречащие утверждения.

Я помню, что произвел за обеденным столом небольшую сенсацию, когда заявил, что по-моему, очевидным образом действий для каждого из нас должно быть стремление стать учеником одного из Великих Учителей, адептов. Это предложение по всей видимости вызвало у присутствовавших нечто вроде шока, поскольку было встречено гробовым молчанием, и только после приличной паузы м-р Синнетт заметил, что полагает, что европейцы вряд ли могут надеяться на что-то подобное на нынешнем этапе наших знаний. Это было достаточно верно, но я думал, что мы могли бы по крайней мере решительно обратить свои лица в этом направлении.

Эти встречи Лондонской Ложи в те времена были для нас почти единственным источником информации по теософии. Думаю, мы были исключительно въедливыми и старались проникнуть в учение как можно глубже, но на самом деле у нас было не так уж много материала для изучения. В дополнение к двум упомянутым книгам Синнетта у нас был монументальный труд Е. П. Блаватской "Разоблаченная Изида", а также прекрасная книга Анны Кингсфорд "Совершенный путь к обретению Христа". Она содержала много сведений, но подавались они с совершенно иной точки зрения по сравнению с книгами Синнетта, и для большинства из нас следовать этому направлению оказалось намного труднее. "Разоблаченная Изида" представляла огромный хаос интереснейшего материала, но нам оказалось очень трудно вывести из нее что-либо, что можно назвать связной или определенной системой. Но мы старались изо всех сил, и чуть позже получили огромное ободрение, услышав, что Учитель Кут Хуми доволен нашими усилиями и собирается в помощь нашей работе прислать из Индии одного из своих собственных учеников.

М. М. Чаттерджи

Этим учеником был Мохини Мохун Чаттерджи, молодой юрист из Калькутты, и он прибыл в Лондон вместе с полковником Олкоттом в начале 1884 года. Я должен сказать, что он оказался для нас исключительно полезен и очень нам помог, и это из его выступлений мы впервые получили ясное представление о Пути Посвящения и необходимых для него требованиях. Их изложение в его формулировке опубликовано в первом из знаменитых "Протоколов Лондонской Ложи".

Я хорошо помню, как он впервые появился на одном из вечерних приемов м-ра Синнетта. Олкотт и Мохини стояли у камина, прямо перед решеткой, и к ним по одному подвели и представляли около 200 человек. Среди них был пресловутый Оскар Уайлд, который всегда создавал впечатление, что ему хочется выделиться экстравагантностью своего одеяния и своих манер, если не сказать больше. Тогда, как я помню, он был облачен в черный бархат, бриджи до колен и белые чулки. Он подошел к Мохини, был ему представлен, грациозно поклонился и уже отходя сказал миссис Синнетт очень слышным сценическим шепотом: "Я раньше никогда не создавал, какую мы совершаем ошибку, являясь белыми!" Мохини, будучи брахманом, был совершенно несведущ в западных обычаях, и я думаю, ему было очень неприятно позволять целой толпе млечх (варваров), пьющих вино, хватать его за руку. Он выглядел очень нездоровым, но благородно выдержал всё это, и конечно, никто из нас не имел ни малейшего понятия, в чем дело. Он терпеливо ответил на огромное количество вопросов, которые, должно быть, казались ему очень глупыми и немыслимо невежественными, и триумфально удалился уже героем вечера, — большинство пожилых леди относились к нему с почтительным трепетом.

Мистер Эглинтон

В ходе своих исследований спиритизма я соприкоснулся с большинством выдающихся медиумов того времени, и видел (как уже ранее говорилось) почти все обычные феномены, о которых можно прочитать в книгах, посвященных этому предмету. Одним медиумом, с которым у меня было много дел, был м-р Эглинтон, и хотя я слышал о нем много плохого, сам я могу засвидетельствовать, что лично имея с ним дело, я нашел его очень честным, разумным и любезным. У него было несколько так называемых духов-руководителей. Одним из них была индейская девочка, называвшая себя Ромашкой (Дэйзи), которая обильно болтала по всякому поводу к месту и не к месту. Другим духом был высокий, под 1 м. 90, араб по имени Абдулла, который никогда ничего не говорил, но производил примечательные явления. Я видел, как одновременно он поднял двух грузных мужчин, держа по одному в каждой руке.

Третьим руководителем, который часто являлся, был Эрнест; он материализовался сравнительно редко, но часто говорил четким голосом и писал характерным почерком, демонстрирующим образованность. Однажды в разговоре с ним были упомянуты Учителя Мудрости. Эрнест отозвался о них с самым глубоким

почтением и сказал, что в различных случаях имел привилегию видеть их. Я сразу же спросил, готов ли он взять на себя труд передать им сообщение или письмо, и он сказал, что охотно это сделает и доставит письмо, когда представится возможность, но не может точно сказать, когда именно это может произойти.

В связи с этим я могу упомянуть, что потом получил хороший пример ненадежности всех таких сообщений. Довольно приличное время спустя один спирит написал в газету "Лайт", что таких персон, как Учителя, существовать не может, поскольку Эрнест определенно сказал ему об этом. Я написал в ту же газету, что от точно того же бесценного авторитета я получил утверждение, что Учителя существуют, и Эрнест хорошо с ними знаком. Очевидно, он в каждом случае отражал мысль вопрошающего, как часто делают подобные существа.

Возвращаясь к своей истории. Я сразу же принял предложение Эрнеста, но с одной оговоркой. Я сказал, что напишу письмо к одному из этих Великих Учителей и вручу ему, если мой друг и учитель, м-р Синнетт, не будет против. При упоминании этого имени "духи" пришли в большое возбуждение. Особенно разозлилась Дэйзи, заявив, что не хочет иметь дела с Синнеттом ни при каких обстоятельствах. Почему? "Он называет нас призраками", — сказала она с огромным негодованием. Однако, я вежливо настаивал, сказав, что всё, что я знаю о теософии, пришло ко мне через м-ра Синнетта, и потому мне не представляется справедливым действовать за его спиной или пытаться найти какие-то иные средства сообщения, не посоветовавшись сначала с ним.

Наконец, хотя и с большой неохотой, духи на это согласились, и сеанс был вскоре завершен. Когда Эглинтон вышел из транса, я спросил, как же мне послать письмо Эрнесту, и он ответил, что если я вручу ему письмо, он положит его в особый ящик, висящий на стене, из которого Эрнест сможет взять его, когда пожелает. Я написал Синнетту и спросил его мнение обо всём этом. Он сразу же этим заинтересовался и посоветовал мне принять предложение и посмотреть, что из этого выйдет.

Письмо Учителю

Затем я отправился домой и написал три письма. Первое было к Учителю К. Х., и в нем я со всем почтением сообщил, что с тех пор, как я впервые услышал о теософии, моим единственным желанием было стать его учеником. Я сообщил ему о своих тогдашних обстоятельствах, и спросил, необходимо ли те семь лет испытания, о которых я слышал, провести в Индии. Я поместил это письмо в маленький конверт и аккуратно запечатал его своей собственной печатью. Затем я вложил его в письмо к Эрнесту, в котором я напомнил ему о его обещании, попросив передать это письмо и доставить мне ответ, если таковой будет. Это письмо я запечатал так же, как и первое, а затем, в свою очередь, вложил его в краткую записку к Эглинтону, в которой просил поместить письмо в ящик и дать мне знать, если на него обратят какое-нибудь внимание. Я попросил друга, остановившегося у меня, исследовать обе печати под микроскопом, чтобы когда мы снова увидим их, можно было узнать, не мухлевал ли кто с ними. В ответ я

получил записку от Эглинтонна, где говорилось, что он исправно поместил письмо для Эрнеста в его ящик, и оно уже исчезло, так что если поступит какой-нибудь ответ, он сразу же перешлет его мне.

Через несколько дней я получил письмо, адресованное незнакомым мне почерком, а открыв его, я обнаружил в нем свое собственное письмо Эрнесту, по всей видимости нераспечатанное. Имя "Эрнест" на конверте было зачеркнуто, а под ним карандашом было написано мое собственное имя. Мы с другом сразу же исследовали печать под микроскопом и не смогли найти никаких признаков того, что кто-либо манипулировал с письмом, и мы оба согласились, что совершенно невозможно, чтобы кто-то его открывал. Тем не менее, вскрыв конверт, мы обнаружили, что моё письмо к Учителю исчезло. Всё, что я нашел внутри — это мое собственное письмо к Эрнесту, с добавлением нескольких слов, написанных хорошо знакомым мне почерком на чистой странице. Там сообщалось, что письмо исправно вручено Великому Учителю, и что если в будущем я буду сочтен быть удостоенным ответа, Эрнест с радостью мне его передаст.

Я прождал несколько месяцев, но ответа не было, и когда бы мне на сеансах Эглинтонна ни случалось встретить Эрнеста, я всегда спрашивал его, когда же можно ожидать ответа. Он неизменно отвечал, что мое письмо было должным образом доставлено, но об ответе еще ничего не известно, и больше он ничего предпринять не может. Через шесть месяцев я получил ответ, но не через Эрнеста, и в нем Учитель сказал, что хотя самого письма не получал (да и вряд ли, как он заметил, мог, учитывая природу курьера), он тем не менее знает, что в нем было написано, и теперь отвечает на него.

Вскоре я объясню, каков был этот ответ и какие вследствие него я предпринял шаги, но прежде чем я смогу сделать это понятным, я должен сделать отступление, чтобы описать некоторые другие события, случившиеся, пока я ждал и надеялся на ответ.

III

Практическая работа

Естественно, что как только я усвоил основные принципы теософии в том виде, как они нам были тогда известны, и определенно поставил перед собой цель — в каком бы это ни было отдаленном будущем приблизиться к стопам Учителя, мне захотелось узнать, нет ли чего такого, в чем бы я мог помочь практической работе Общества. Я высказал это м-ру Синнетту, и в ответ на мой вопрос он выдвинул большой ящик, доверху полный писем, и сказал:

"Всё это вопросы о теософии; они сыплются на меня ежедневно изо всех частей света. Я борюсь с ними достаточно слабосильно, отвечая каждый день лишь на немногие, но я совершенно неспособен справиться с их потоком. Я уже

достаточно отстал и, очевидно, никогда не наверстаю упущенное, ибо изо дня в день кипа писем, а с ней и моя задолженность, неуклонно растет. Если вы желаете взяться за эту коллекцию и ответить на них так, как сможете, вы действительно сослужите важную службу большому количеству людей."

Конечно же, я возразил, что не знаю достаточно, чтобы взять на себя роль толкователя учения. Но он ответил:

"Вы прочли все наши книги и присутствовали почти что на всех наших встречах. Я уверен, что вы знаете учение в той же мере, что и я сам. Кроме того, ясно, что вопрос стоит так — либо это, либо ничего. Со всей работой, которую мне приходится делать, я никогда не смогу заниматься ещё и письмами, тогда как вы, в уединении своего сельского прихода, сможете поработать по крайней мере с некоторыми из них; и в конце концов, мы всегда можем посоветоваться по любому запутанному вопросу, который может возникнуть."

Он был прав, говоря, что я сделал всё, что в моих силах, чтобы познакомиться с этим удивительным новым учением. Я прочитал обе его книги, и не один, а множество раз, с каждым разом всё больше понимая их ценность и тверже усваивая выдвигаемые в них идеи. Так что я наполнил этими письмами чемодан (их было 437) и забрал их к себе в Хэмпшир. Я взялся за дело с энтузиазмом — помнится, я позволял себе каждую ночь только четыре часа сна, — и в конце концов пробрался через все эти письма. Это была довольно трудная задача — ведь в те дни не было пишущих машинок, так что каждое из тех многих тысяч слов пришлось утомительно писать от руки.

Некоторые вопросы были легкими, а некоторые — трудными. Во многих случаях были необходимы долгие объяснения, потому что вопрошающий, похоже, понял наставления совершенно неверно, но я думаю, что я сделал всё, что мог. Конечно же, я получил кучу ответов, так что этот ящик писем на долгие месяцы занял б`ольшую часть моего свободного времени. Могу сказать, что в результате этой переписки в Общество пришло довольно много новых членов, и я также значительно расширил свой список друзей, равно как и свои познания в теософии — ведь нет лучшего способа основательно понять предмет, чем пытаться объяснить его кому-нибудь еще.

Анна Кингсфорд

Теперь позвольте мне перейти от этих сравнительно пустячных эпизодов к случаю действительно важному — моей первой встрече с Е. П. Блаватской. Но прежде чем я смогу его описать, я должен сказать несколько слов предварительного объяснения. Хотя доктор Анна Кингсфорд была президентом Лондонской Ложи, она вовсе не полностью была согласна с учениями, которые изучали её члены. Сведения м-ра Синнетта пришли к нему с Востока и от восточных учителей, и получил он их в ответ на свои вопросы, заданные более или менее наобум; тогда как то, чему учила Анна Кингсфорд, она знала, припомнив то, чему научилась в прошлой жизни.

Согласие по сути было весьма примечательным, но вот форма, в которой было изложено учение, сильно отличалась, и в каждом из изложений был свой набор терминов, которые вовсе не всегда оказывались взаимозаменяемыми. Обычно на наших собраниях м-р Синнетт выступал с речью или делал заявление, но прежде чем нам позволялось обсудить его или попросить Синнетта сообщить дополнительную информацию по моментам, которые для нас были сомнительными, д-р Кингсфорд всегда настаивала на том, чтобы ей дали переформулировать всё это в её терминах и с её точки зрения. Почти всем из нас восточное изложение было гораздо понятнее, чем герметическое, и нашим торопливым умам эти ненужные усложнения представлялись совершенно излишними, так что её длинные разъяснения принимались с некоторым нетерпением. Не довольствуясь изложением своей собственной точки зрения, она иногда опасно приближалась к выказыванию враждебности к формулировке м-ра Синнетта и даже к Учителям, от которых она пришла. Можно легко понять, что это могло вызвать в умах членов порядочное негодование.

Однажды Ложа приняла резолюцию, в которой выражалось сожаление по поводу отношения, выраженного в написанном ею документе, и всё это вызвало самое нежелательное ощущение напряжённости. Мы дошли уже до публикации памфлетов, в которых излагались противоположные точки зрения, и даже свами Т. Субба Роу, который находился далеко в Индии, принял участие в дискуссии. Эти условия были всё еще налицо, когда полковник Олкотт и Мохини Чаттерджи прибыли из Индии, и ложа практически разделилась на две весьма неравные части, поскольку Анну Кингсфорд поддерживали лишь её дядя м-р Мэйтлэнд и несколько её личных друзей, которых она привела с собой, когда вступила в Теософическое Общество. Если бы с нами была сама Блаватская, она бы, вероятно, с ходу разрешила противоречия, но хотя она покинула Индию вместе с Олкоттом, в Париже она очень серьезно заболела, и её жизни, как считалось, даже угрожала значительная опасность.

Вскоре подошел к концу наш финансовый год, и встал вопрос о выборах президента ложи на следующие двенадцать месяцев. Думаю, что почти единодушным желанием ложи было, чтобы её номинальным лидером стал м-р Синнетт, как он был уже лидером фактическим, но он не хотел занимать это место, поскольку в памфлетах он достаточно сильно высказывался против Анны Кингсфорд и не хотел вносить эту почти личную неприязнь в политику ложи. Когда наступил вечер выборов, м-р Мэйтлэнд предложил вновь избрать Анну Кингсфорд, но оказалось, что его поддержали лишь один или два члена, и она проявила почти недостойное раздражение. Тогда Синнетт встал и предложил м-ра Дж. Б. Финча, адвоката отеля Линколн Инн, который в своё время с отличием окончил Кембридж. Будучи способным и добродушным человеком, он был очень популярен среди членов, и фактически та самая встреча проводилась в длинной комнате у него в гостинице. Он сразу же был избран подавляющим большинством, а затем мы назначили Синнетта секретарем и перешли к дальнейшей работе.

Анна Кингсфорд, очевидно, осталась очень недовольна результатом выборов, и её постоянные вступания были ещё более раздражительными, чем обычно. Председательствовал сам Президент-основатель, но похоже, он не совсем знал, что делать с этой леди, и собрание тянулось уныло и бесплодно. Комната, как я уже

сказал, была длинной, и входная дверь была с той стороны, которая была удалена от трибуны. Комната была заставлена скамьями, временно арендованными для проведения собрания. И так получилось, что мы с моим другом м-ром Варли на несколько минут опоздали и вошли в комнату, когда заседание уже началось. Так что мы проскользнули на пустую скамейку, стоявшую прямо напротив двери, и поблизости было только двое или трое членов, тогда как передняя часть комнаты была заполнена народом. Полковник Олкотт и Мохини изо всех сил старались выжать что-нибудь разумное и полезное из весьма утомительной и бесплодной дискуссии, и мы, находясь в другом конце комнаты, полагая, не уделяли ей пристального внимания. Внезапно дверь напротив нас резко открылась, и грузная женщина в черном быстро вошла и села на другом конце нашей скамьи.

Я встречаю нашу Основательницу

Несколько минут она сидела, слушая борьбу на трибуне, а затем начала выказывать заметные признаки нетерпения. Поскольку никакого улучшения не предвиделось, она вскочила со своего места и тоном военной команды выкрикнула одно слово: "Мохини!", а затем направилась через дверь прямо в проход. Обычно державшийся со статью и достоинством Мохини во всю прыть пронесся по комнате, и достигнув выхода, не сдерживая чувств, распростерся на полу у ног женщины в черном. Многие в растерянности поднялись со своих мест, не понимая, что происходит, но мгновением позже и сам Синнетт тоже побежал к двери, вышел и обменялся с женщиной несколькими словами, а затем, снова войдя в комнату, встал на конец нашей скамьи и звонким голосом произнес судьбоносные слова: "Позвольте мне представить всей Лондонской Ложе мадам Блаватскую!"

Сцена была неопишуемой; в буйной радости и в то же время в каком-то трепете члены ложи сгрудились вокруг нашей великой основательницы. Одни целовали ей руку, другие преклоняли перед ней колени, а двое или трое истерично рыдали. Однако, через несколько минут она нетерпеливо их стряхнула, и полковник Олкотт провел её на трибуну. Ответив на несколько вопросов, она потребовала от него объяснений относительно неудовлетворительного характера собрания, на которое она столь внезапно снизошла. Олкотт и Синнетт объяснили, как могли, но в результате она повелела им закрыть собрание и сразу же потребовала всё руководство к себе на совещание. Простые члены удалились в состоянии дикого возбуждения, а должностные лица ждали Блаватскую в одной из прилегающих гостиных.

И поскольку я был приглашен провести ночь у Синнетта, мне, хотя и будучи новым и малозначительным членом, довелось остаться с более великими людьми, и случилось так, что я стал свидетелем очень примечательной сцены, последовавшей за только что описанными событиями. Блаватская потребовала полного отчета о состоянии в ложе и разногласиях между Синнеттом и Кингсфордом, а получив его, отчитала их обоих, будто пару капризных мальчишек, и наконец заставила их пожать руки в присутствии всех нас в знак дружественного урегулирования всех их разногласий. Тем не менее, она распорядилась, чтобы

Анна Кингсфорд образовала свою собственную ложу, в которой учения могли бы обсуждаться исключительно с её точки зрения. В течение нескольких дней это указание было исполнено, и новый филиал принял название Герметической Ложы. Насколько я помню, в ней никогда не было более нескольких членов, и полагаю, что вскоре она затухла и исчезла.

Мадам Блаватская и полковник Олкотт присоединились к нашей компании, направлявшейся в дом м-ра Синнетта, и оставались там допоздна. Блаватская энергично осудила неспособность наших официальных лиц провести собрание лучше. Конечно же, я был ей представлен, и Синнетт не упустил случая рассказать ей о моем письме в спиритический журнал "Лайт" на тему отрицания духом Эрнестом наших Учителей. Выслушав эту небольшую историю, она взглянула на меня очень испытующе и заметила: "Я невысокого мнения о священниках, потому что большинство из них лицемерны, фанатичны и глупы. Но вы хорошо начали, и, возможно, сделаете и что-нибудь ещё."

Вы можете быть уверены, что я не упускал возможности присутствовать на любой встрече с её участием, и хотя я стеснялся высказываться и задавать вопросы, я с интересом слушал каждое слово, слетавшее с её уст, и думаю, что таким образом очень многому научился.

Надеюсь, мне удастся передать моим читателям какое-то адекватное представление о том, кем она была для меня и для всех тех из нас, кому посчастливилось близко с ней соприкоснуться, о поистине потрясающем впечатлении, которое она на нас произвела, и о глубокой любви и сильном энтузиазме, который она в нас пробуждала.

В живых сейчас осталось лишь немного тех из нас, кто знал её в физическом теле, и думаю, что это одновременно и наш долг, и наша привилегия постараться передать нашим более молодым братьям хотя бы несколько идей, вокруг которых они смогут выстроить умственный образ нашей великой Основательницы, раз уж их карма оказалась такова, что не позволила им видеть её во плоти.

IV

Мадам Блаватская

Позвольте мне на время попытаться взглянуть на нее так, как смотрел бы посторонний, если это вообще для меня возможно. Честно говоря, я не могу бесстрастно смотреть на нее со стороны, потому что я люблю её глубочайшей любовью и почитаю её больше, чем кого-либо еще, за исключением Великих Учителей — её и моих. Так что, пожалуй, я не смогу взглянуть на нее бесстрастно, но по крайней мере, я попытаюсь это сделать. Я видел много незнакомцев, приближавшихся к ней, и постараюсь описать, что отражалось на их лицах и в их умах. Первое, что всегда поражало всех их, как и меня — огромная сила, которую

она излучала. Оказавшись в присутствии Блаватской, всякий сразу чувствовал, что находится рядом с человеком, который много значит и может вершить дела, рядом с кем-то из величайших людей в мире, и я думаю, что никого из нас никогда не покидало это чувство.

Несомненно, было множество людей, не соглашавшихся с разными вещами, которые она говорила; и были среди нас и те, кто с энтузиазмом следовал за ней. Она была столь сильной личностью, что из тысяч людей, встречавших её, я не видел ни одного, кто остался бы к ней равнодушен. Некоторые абсолютно её ненавидели, но гораздо больше было тех, на кого она произвела огромное впечатление. Многие почти что боялись её и трепетали перед ней, но те, кто знал её лучше, любили её безусловной, неизменной любовью, и любят её и сейчас. Недавно я видел некоторых из хорошо знавших её, и похоже, в каждом из них воспоминания о ней так же свежи, как и те, что сохранились в моем сердце, и все мы никогда не переставали любить её. Производимое ею впечатление было неопишмым. Она смотрела прямо *сквозь* вас, и очевидно, видела всё, что было в человеке, — а есть люди, которым это не нравится. Иногда я слышал от нее весьма нелестные откровения о тех, с кем она говорила.

Я сказал, что первым её влиянием было захватывающее ощущение силы, и трудно сказать, что было следующим, но её окружало чувство неустрашимой храбрости, которое очень приободряло. Её прямота была не то чтобы на грани грубости, но она высказывала именно то, что думала и чувствовала. И опять же, есть люди, которые этого не любят, которых шокирует встреча с голой правдой, а ведь именно её она им выдавала. Поразительная сила была первым впечатлением, и пожалуй, смелость, искренность и прямота были вторым. Полагаю, что большинство из вас слышали, что Блаватскую часто обвиняли в обмане тех, кто не любили её или боялись. Враги считали её виновной в надувательстве, мошенничестве, подделках и всевозможных подобных вещах. Все, кто повторяют подобную клевету, никогда не видели её лично, и я осмелюсь сказать, что любой из них, побудь он в её присутствии в течение часа, сразу бы осознал беспочвенность своих обвинений. Я могу понять, что в её адрес говорят и некоторые другие вещи — например, что она иногда несколько грубо насмеялась над предрассудками других. Пожалуй, это даже хорошо и полезно для людей, чтобы их предрассудки иногда разоблачались; но обвинять её в подделках и обмане представляется всякому из нас, лично знавших её, полнейшей глупостью. Говорили даже, что она русская шпионка. (В то время очень боялись, что Россия имеет планы на Индию). Если и была когда-нибудь на этой земле личность, совершенно непригодная для шпионской работы, то этой личностью была мадам Блаватская. Она не могла бы поддерживать необходимого обмана и в течении десяти минут — её сразу бы выдала её почти первобытная прямота. Сама идея о каком-либо обмане в связи с Блаватской немыслима для всякого, кто был с ней знаком, жил с ней в одном доме и знал, как прямо она высказывала в точности то, что думала и чувствовала. Абсолютная искренность была одной из самых выдающихся черт её удивительно сложного характера.

Думаю, что следующим, что производило впечатление на постороннего человека, был её блистательный ум. Она безусловно была лучшим собеседником из всех, которых я когда-либо встречал, — а я видал многих. У нее был удивительнейший

дар не лезть за словом в карман и остроумно парировать — она имела его даже с избытком. Она также была полна знаний о всяких посторонних предметах — я имею в виду вещи более или менее связанные с нашим направлением мысли, хотя трудно осознать, насколько широк спектр мысли, имеющей отношение к теософии. Так или иначе, это включает в себя знание сведений по большому количеству совершенно разных направлений. У Блаватской эти знания были. В какую бы сторону ни повернул разговор, у нее всегда было что сказать, и всегда это было заметно далеко от общих мест.

Она могла быть какой угодно, но только не банальной. У нее всегда было что-то новое, поразительное, интересное, необычайное, что рассказать нам. Она много путешествовала, и в основном по малоизвестным частям света, и помнила всё — по-видимому, даже самые незначительные случаи, которые когда-либо с ней происходили. Полная всех видов искрометных анекдотов, она была удивительной рассказчицей, умевшей хорошо подать историю и добиться нужного эффекта. В этом отношении, как и в столь многих других, она была замечательным человеком.

При более интимной беседе скоро обнаруживался главный стержень её жизни — сильная преданность своему Учителю. Она говорила о нем с почтением, которое было прекрасно, и еще более прекрасно в силу того, что её нельзя было бы охарактеризовать, как почтительную натуру. Напротив, она во всём находила смешную сторону. Помимо этого одного центрального факта, она иногда шутила с вещами, которые некоторые из нас сочли бы священными, но это было в силу её предельной прямоты, которая заставляла её разоблачать всё, что имело природу лицемерия или претенциозности. Ведь многое из того, что сходит за почтение, в действительности просто бездумность, хотя пожалуй и не чуждая респектабельности.

То, что Блаватская называла буржуазной респектабельностью, было для нее чем-то вроде красной тряпки, из-за частого присутствия в поддержании внешних приличий большой доли лицемерия, тогда как внутри были мысли и чувства, вовсе не респектабельные. В таких случаях она срывала завесу, выставляя то, что под ней скрывалось, напоказ, что не доставляло удовольствия её несчастной жертве. По причине этой черты её нельзя было назвать человеком почтительным. Но когда она говорила о своем Учителе, её голос принимал тон любящего благоговения, и можно было видеть, что это чувство к нему было самой её жизнью. Её доверие, любовь и почтение к нему, контрастировавшие с тем фактом, что обычно она не была почтительной, были прекрасны.

Я думаю, что это — самые заметные черты, которые мог увидеть в ней незнакомец. Более молодые члены нашего общества, прочитав её книги и хотя бы немного осознав, чем мы ей обязаны, могут цитировать её и говорить, каким чудесным человеком она была, и вполне вероятно, что они встретят людей, которые ответят, что она была разоблачена, и было выяснено, что она занималась надувательством. Пусть они спросят таких клеветников:

"Вы знали её лично?"

"О нет, — ответят они, — конечно, нет."

И вы, читатели этой книги, можете ответить:

"А я читал отчет, написанный человеком, *знавшим* её очень хорошо, и он утверждает, что все подобные истории — абсолютная и полная ложь, и что совершенно невозможно, чтобы она проделала любое из этих мошенничеств, да она и не могла обманывать людей таким образом, как было заявлено."

Я мог бы привести вам многие примеры случаев, когда её обвиняли в обмане, и рассказать вам в точности, что же на самом деле происходило в каждом из них, и могу вас заверить, что никакого мошенничества не было. Это я знаю *сам*. Вы, может быть, много слышали об отчете, написанном поверенным Общества Психических Исследований, который был послан в Индию расследовать её дело. Если кто-то будет вам его цитировать, вы можете сказать им, что я был в Адьяре, когда этот молодой человек (очень самодовольный, как я с сожалением должен признать) выехал туда делать этот отчет, и я вам могу определенно сказать, что отчет этот очень недостоверен, хотя я уверен, что он был честен в своих намерениях. Через много лет после этого наш нынешний президент, д-р Анни Безант, сказала мне, что знай он в 1884 году о психических явлениях столько, сколько он знает сейчас, его отчет был бы совсем другим.*

* Через 100 лет само Общество Психических Исследований дезавуировало этот отчёт и признало, что Блаватская была осуждена несправедливо. — *Прим. пер.*

Относительно писем, приходивших от Учителей, он вынес решение против Блаватской, заявив, что она написала их сама. Но я сам получал такие письма, когда она была в тысячах миль от меня. Я видел, как они появлялись в её присутствии, равно как и тогда, когда она была далеко, и в силу этого неопровержимого свидетельства я знаю, что она *не* писала этих писем. Я говорю это, так как думаю, что для вас будет ценно иметь возможность сказать, что знаете о человеке, который готов лично засвидетельствовать, что здесь не было никакого обмана. Свидетельство одного очевидца перевешивает предвзятое суждение многих людей, которые сами не были свидетелями и получили сведения из третьих рук, если не из тринадцатых.

Помните, что если говорить с человеческой точки зрения, без Е. П. Блаватской не было бы и Теософического Общества, и не было бы представления всего этого великолепного учения для людей Запада. Возможно, я говорю вам немножко больше, чем следовало бы, потому что Великие, стоящие за всем этим, одновременно предприняли попытку действовать через два канала — одним из них была Е. П. Блаватская, а другим — Анна Кингсфорд. Я знал их обеих, и могу только сказать, что хотя представление Анны Кингсфорд было удивительным и интересным, оно не произвело большого впечатления и не завладело миром в сколько-нибудь заметной степени, тогда как существование Теософического Общества показывает, что представление Блаватской эту задачу выполнило.

И даже Теософическое Общество составляет лишь малую часть её работы, поскольку на каждого его члена может найтись 10, 12 или даже 20 не членов, которые читали её книги и приобрели много знаний по теософии. Так что распространение её учения вне всяких пропорций превосходит размеры Теософического Общества. Вот что сделала мадам Блаватская для всех нас и для всего мира, и за это мы ей обязаны нашей любовью и благодарностью. Она всегда говорила нам:

"Таковы факты, но не верьте в это просто потому что так сказала я. Применяйте свой разум и чувство здравого смысла, придайте учению жизнь и убедитесь в нем сами. Не брюзжите, и не критикуйте, не осуждайте — работайте".

Мы, принявшие её вызов и следовавшие её советам, скоро обнаружили, что её заявления подтверждаются, и её учение оказалось верным. Так что и вам, её современным последователям, я сказал бы: "Идите и действуйте так же".

И все вы можете видеть, что мы никогда её не забываем, и каждый год в День Белого Лотоса, как она того желала, мы воздаем дань памяти. Она не просила никого говорить о ней, хотя наша любовь и наше уважение к ней всегда заставляют нас это делать, но она просила прочесть что-нибудь из Бхагавад-гиты и "Света Азии", и это каждый раз 8 мая выполняется во всех теософических ложах, и надеюсь, что так будет всегда, и мы никогда не позволим памяти о нашей основательнице испариться из наших умов. Я хотел бы, чтобы вы осознали и помнили тот факт, что всему, что мы имеем и чему мы научились, в какой бы форме это к нам сейчас ни попадало, мы в действительности обязаны Е. П. Блаватской.

V

Ответ на письмо

Вы можете вспомнить, что в одной из предыдущих глав я упомянул письмо, которое я послал Учителю Кут Хуми, поручив его доставку духу по имени Эрнест. В конце концов я получил ответ, но не через Эрнеста, и уже накануне самого отъезда Блаватской в Индию. Текст этого письма Учителя ко мне можно найти в первом выпуске "Писем Учителей Мудрости", за №7 (эта книга составлена Ч. Джинараджадасой).* Он сообщил мне, что находиться в Индии в течение семи лет испытания нет необходимости — чела может провести их где угодно. Он предупредил меня, что как священник христианской церкви я в некоторой степени разделяю коллективную карму этой организации, и ясно намекал, что значительная часть этой кармы ужасно плохая. Он предложил мне приехать на несколько месяцев в Адьяр, чтобы посмотреть, смогу ли я работать в качестве сотрудника штаб-квартиры, и добавил многозначительное замечание: "Тот, кто хочет сократить годы испытания, должен делать жертвы ради теософии". Его письмо завершилось следующими словами:

* См. Приложение I. — *Прим. пер.*

"Вы спрашиваете меня, какие правила я должен соблюдать во время этого испытательного срока и как скоро осмелюсь надеяться, что он может начаться. Я отвечаю: ваше будущее в ваших собственных руках, как показано выше, и каждый день вы можете ткать его ткань. Если бы я потребовал, чтобы вы сделали то или иное, вместо того, чтобы просто посоветовать, я бы нес ответственность за каждое следствие, вытекающее из этого шага, а ваша заслуга была бы второстепенной. Подумайте, и вы увидите, что это правда. Так что поручите свою судьбу Справедливости, никогда не опасаясь, ибо её ответ будет абсолютно истинным. Челство — период обучения, также как и испытания, и лишь от самого челы зависит, закончится ли оно адептством или провалом. Из-за ошибочного представления о нашей системе челы слишком часто смотрят и ждут приказов, тратя ценное время, которое можно было бы заполнить личными усилиями. Наше дело нуждается в миссионерах, энтузиастах, посредниках, даже, пожалуй, в мучениках. Но оно не может требовать от кого-либо сделаться таковым. Так что выбирайте теперь и возьмите свою судьбу в свои руки — и пусть память нашего Господа Татхагаты поможет вам принять лучшее решение."*

* Ч. Джинарадждаса добавляет следующее примечание: "Память нашего Господа Татхагаты — эта весьма поразительная фраза была понята лишь много лет спустя после получения письма. Она относится к очень давним событиям прошлых жизней, когда Ч. Ледбитер видел этого великого Владыку лицом к лицу. Фразой этой Учитель старается, минуя личность Ледбитера, прямо обратиться к его высшему Я, в сознании которого великие истины существовали как предмет непосредственного знания." ("Письма Учителей Мудрости", т. I, примечание к письму 7.)

Я пожелал ответить на это, что мои обстоятельства таковы, что для меня невозможно приехать в Адьяр на три месяца, а затем вернуться к той работе, которой я был занят, но я совершенно готов бросить её совсем и полностью посвятить жизнь тому, чтобы быть у него на службе. Эрнест так явно подвел меня, и я не знал иного способа передать Учителю ответ, кроме как вручить его Блаватской, а поскольку она на следующий день собиралась покинуть Англию, чтобы отправиться в Индию, я поспешил в Лондон, чтобы увидеться с ней.

С трудом заставил я её прочитать письмо, поскольку она очень решительно сказала, что подобные сообщения предназначаются лишь для адресата. Однако, я был вынужден настаивать, и наконец она его прочла и спросила, что бы я хотел ответить. Я ответил, как было указано выше, и просил передать эту информацию Учителю. Она ответила, что он её уже знает, имея в виду, конечно же, близкую связь, в которой она с ним состояла, так что всё, что было в её сознании, оказывалось и в его сознании, когда он того желал.

Затем она попросила меня подождать около неё и не отлучаться от неё ни под каким предлогом. Она придерживалась этого условия абсолютно, даже заставив меня проследовать за ней в её спальню, куда она зашла, чтобы надеть шляпу, а когда понадобился кэб, она не позволила мне выйти из комнаты и свистнуть его. Я совершенно не мог тогда понять цель всего этого, но потом осознал, что она

хотела, чтобы я мог сказать, что ни разу не упустил её из виду с того момента, как она прочитала письмо от Учителя, и до получения мною ответа на него. Я помню так живо, будто это было только вчера, как я ехал с ней в этой самой двуколке, и какое чувствовал смущение, вызванное отчасти тем, что ехал с ней, а отчасти тем, что причинял ей ужасное неудобство, так как я забился в уголок сиденья, тогда как её огромная масса перевешивала и наклоняла экипаж в её сторону, так что рессоры всю дорогу скрипели. В путешествии в Индию её должны были сопровождать мистер и миссис Купер Оукли, и именно в их дом приехали мы с ней уже поздно ночью — фактически, думаю, что это было уже после полуночи.

Мой первый феномен

Даже в такой поздний час в гостиной миссис Оукли собрались несколько преданных друзей, чтобы попрощаться с мадам Блаватской, которая уселась в кресло возле огня. Она блестяще говорила с присутствующими и сворачивала одну из своих вечных сигарет, когда внезапно её правая рука резко простерлась к огню весьма характерным образом, ладонью вверх. Она посмотрела на нее с удивлением, как и я сам, ведь я стоял рядом с ней, облокотившись на камин, и некоторые из нас отчётливо видели, как у нее в ладони образовалось нечто вроде беловатого тумана, а затем сгустилось в сложенный листочек бумаги, который она тут же вручила мне, сказав: "Вот ваш ответ". Все в комнате столпились вокруг, но она отослала меня прочь читать его, сказав, что я не должен давать никому видеть его содержание. Это была очень короткая записка, и гласила она следующее:

"Поскольку ваша интуиция повела вас в верном направлении и заставила понять, что *моим желанием* было, чтобы вы отправились в Адьяр *немедленно*, я могу сказать вам больше. Чем скорее вы поедете в Адьяр, тем лучше. Не теряйте ни одного дня, насколько это в ваших силах. Отплывайте 5-го, если возможно. Присоединяйтесь к Упасике* в Александрии. Не давайте никому знать, что вы едете, и пусть благословения нашего Господа и мои скромные благословения защищают вас от всякого зла в вашей новой жизни.

Приветствую вас, мой новый чела.

К. Х."

* "Упасика" значит "ученица", наши Учителя часто употребляли это слово, говоря о Блаватской.

Следуют указания

В оккультных делах услышать значит сделать. Блаватская оставила Лондон в тот же день, отправившись в Ливерпуль, где она села на океанский пароход "Клан Драммонд". Тем временем я метался по конторам пароходных компаний в поисках билета для себя.

На пароходе "Полуостровной и восточной пароходной компании", отплывавшем 5-го числа, не было ни одного свободного места ни в каком классе, так что мне пришлось искать другие пути. После многих запросов, единственной предоставившейся возможностью было плыть пароходом "Эримант" компании "Мессажери Маритиме", отправлявшемся в Александрию из Марселя, а чтобы сделать это, необходимо было покинуть Лондон вечером 4-го. Я поспешил в Хэмпшир паковать свой багаж и завершить свои дела, и могу сказать, что не ложился в постель, прежде чем покинул Англию! Мохини и Мисс Франческа Арундэйл пришли проводить меня на вокзал Черинг-Кросс стэйшн, чтобы искренне пожелать мне всего доброго в той необычной и новой жизни, которая открывалась передо мной.

В карантине

Я достиг Марселя без происшествий, однако обнаружилось, что в городе подозревают холеру. Я сел на "Эримант", и помню, что во время нашего путешествия Средиземное море порядком штормило. В этом путешествии я читал "Эзотерический буддизм" уже в десятый раз — в те времена мы подходили к изучению очень основательно. Когда мы прибыли в Александрию, к своему безмерному разочарованию я обнаружил, что из-за слухов о холере в Марселе египетские власти решили поместить нас всех на пять дней в карантин. Вы можете представить мое нетерпение и мои опасения, что из-за этой задержки я могу совсем упустить Блаватскую. Они не позволили нам оставаться в городе, но отправили нас в казармы в Рамлех, где брали с нас по фунту в день за размещение в весьма неудовлетворительных условиях. Конечно, все мы были совершенно здоровы, и мы были полностью убеждены, что всё это фарс, устроенный просто чтобы слупить с нас деньги, и широкие улыбки египетских чиновников показывали, что они полностью понимали ситуацию.

В нашем единственном пункте сообщения с внешним миром нас отделял от него двойной забор, между рядами которого было около пяти метров. От одного забора к другому было проведено нечто вроде деревянного рельсового пути, по которому туда и сюда тянули ящик на веревках, привязанных к нему с обеих сторон. В нем нам передавали снабжение извне и любые вещи, которые мы покупали, а также наши письма. В ящике стоял большой сосуд с водой, в который мы должны были класть все монеты, которыми хотели расплатиться за покупки, а все посылаемые нами письма собирались в двух или трех местах и тщательно окуривались. Все эти процедуры были более чем смехотворными, и мы поддерживали робко шутливый тон в отношениях с нашими стражами, настаивая, что вся сдача, которая посылается нам, тоже должна кидаться в воду!

С помощью одного из таких многострадальных писем я связался с британским консулом и узнал от него, что мадам Блаватская со своими спутниками прибыла вовремя, но они отправились в Порт-Саид, где и ожидают меня. Как только мы были освобождены из заключения, я отправился в отель Аббат, чтобы принять настоящую ванну и немного приличной пищи, а затем стал выяснять, как попасть в Порт-Саид. В те времена железной дороги там не было, и ближайшей

возможностью опять оказался пароход "Эримант", которому, как и нам, тоже пришлось застрять в карантине. Конечно, нам было бы куда комфортабельнее, если бы у них хватило здравого смысла оставить нас на пароходе, но поскольку мы направлялись в Александрию, они не стали этого делать, кроме того, тогда бы наш фунт в день получал бы пароход, а не египетское правительство!

Мы снова встречаемся

Мы отплыли тем же вечером и прибыли в Порт-Саид на следующее утро. А. Дж. Купер Оукли встретил меня там, и мы отправились в отель, где я и увидел мадам Блаватскую и миссис Оукли, сидящих на веранде. Последние слова Блаватской в Лондоне, обращенные ко мне были "смотрите, не упустите меня", и теперь она приветствовала меня словами, "ну, Ледбитер, вы и вправду прибыли несмотря на все трудности". Я ответил, что, конечно же, я приехал, и что раз уж я обещал, то решил сдержать обещание, на что она ответила только: "это было хорошо с вашей стороны", и затем погрузилась в оживленную беседу — а все беседы, в которых Блаватская принимала участие, неизменно были оживленными, — которая, очевидно, была прервана моим появлением. Хотя она больше ничего не сказала, она явно была довольна, что я приехал, и похоже, считала мое присутствие в своей свите чем-то вроде карты в игре, которую ей пришлось играть. Она срочно возвращалась в Индию, чтобы опровергнуть злую клевету миссионеров Христианского Колледжа, и видимо, считала, что если она вернётся вместе со священником признанной церкви, который оставил хорошее место там, чтобы стать её учеником и последователем, полным энтузиазма, это будет в некотором роде аргументом в её пользу.

VI

Внезапная перемена

Наша предыдущая глава оканчивалась на моей встрече с Блаватской в отеле в Порт-Саиде, где, как я наивно полагал, мы будем мирно ожидать прибытия нашего парохода. Тогда я еще не знал Блаватскую так хорошо, как узнал её потом, а возможно, и не чувствовал такой жажды деятельности. Я снял спальню, выловил нескольких комаров из внутреннего пространства балдахина над кроватью, и с удовольствием предвкушал, как расположусь там на ночь. Однако, вскоре после того, как спустилась темнота, у Блаватской случилась одна из вспышек вдохновения, которые столь часто приходили к ней от внутренней стороны вещей. Она обычно объясняла их появлением того или другого из тех, кого она называла Братьями — в это понятие она включала не только Учителей, но и многих из их учеников. В данном случае полученный ею намек полностью смешал все наши планы, потому что ей было указано вместо того, чтобы спокойно ожидать парохода, немедленно отправиться в Каир, где мы должны были получить

некоторые сведения, которые могли оказаться очень полезными ей, чтобы разобраться с её вероломными слугами, Куломбами.

Пакетбот "Хедив"

В те времена из Порт-Саида не было железной дороги, и единственным способом попасть в Каир было пройти по Суэцкому каналу до Исмаилии, где мы уже могли сесть на поезд, идущий в столицу. Путешествие по каналу мы совершили на крошечном пароходике, чем-то напоминавшем буксир, который удостоился именоваться "Хедив".* Каждую полночь он отправлялся из Порт-Саида и рано утром достигал Исмаилии. Несмотря на свое громкое имя, это было, пожалуй, самое грязное и неудобное судно, которое я когда-либо встречал, но, конечно, нам пришлось им воспользоваться, и мы это сделали, как могли. На корме была маленькая хибарка, размером примерно три на три метра, которая называлась общей каютой, а сзади нее располагался этаким шкаф, называвшийся каютой для дам. Однако у него не было окон, так что когда дверь была закрыта, там была полная темнота. Его мы отвели мадам Блаватской.

* Хедив (перс. — господин, государь) — титул правителей Египта в 1867-1914 г. — *Прим. пер.*

Мистер Оукли, который очень устал, и думаю, был несколько раздосадован внезапной переменой наших планов, улегся на жестком деревянном сиденье сбоку общей каюты, тогда как мы с миссис Оукли, имея в виду армию огромных тараканов, которые полностью заняли обе каюты, предпочли провести ночь на ногах, расхаживая по маленькой открытой палубе, которая ограничивала нашу прогулку примерно шестью шагами как туда, так и обратно. Иногда мы прерывались, чтобы взглянуть на м-ра Оукли, но он мирно спал, несмотря на то, что был полностью облеплен вышеупомянутыми отвратительными существами, как впрочем и другими. Миссис Оукли, которая была в обычной жизни персоной довольно привередливой, была несколько подавлена, в чем пожалуй не было ничего неестественного, и я изо всех сил старался утешить её, расписывая радужные картины великолепия и красот, которые, как я надеялся, ожидали нас в Индии.

Так продолжалось несколько часов, пока это однообразие не было внезапно прервано жалобными криками мадам Блаватской, находившейся в своем шкафу. Миссис Оукли сразу же смело ринулась туда, только лишь чуть вздрогнув от встречи с полчищами насекомых, и обнаружила, что Блаватской очень плохо, она испытывает сильные боли и безотлагательно требует удобств, которых на нашем суденышке просто не существовало. К счастью, наша следующая остановка была в деревне Кантара — месте, где путь паломников из Каира в Иерусалим пересекает канал, и мы уговорили капитана нашего судна-катафалка подождать нас несколько минут. Конечно, там не было никакого трапа или даже причала, но они сделали нечто вроде мостков, какими пользуются строители, около фута шириной, и по ним мне с м-ром Оукли пришлось нести на берег нашу несчастную

предводительницу. (Мадам Блаватская тогда весила 111 кг.; я знаю это, потому что сам взвесил её на весах мясника на борту парохода "Наварино" несколькими днями позже).

Вы можете представить, какая это была нервотрепка, и выражения Блаватской по этому поводу были скорее крепкими, чем обходительными. Но так или иначе этот подвиг мы совершили — Блаватская в целости и сохранности была доставлена на берег, а чуть позже — обратно на борт, что было еще более серьезным предприятием из-за сильного уклона трапа вверх. Наконец, она была доставлена обратно в свою тесную каморку, а героическая миссис Оукли сидела при ней, пока она не погрузилась в сон. Мистер Оукли, кажется, опять заснул, но его жена, как только смогла оставить нашу предводительницу, вышла и меряла шагами палубу вместе со мной, пока в бледном золотистом свете египетского утра мы не пришвартовались у причала Исмаилии.

Исмаилия

До отправления нашего поезда оставалось несколько часов, так что представлялось разумным отправиться в отель и позавтракать. Тогда в городе было две гостиницы, и их агенты настойчиво предлагали на пристани свои услуги. М-р Оукли, который считался бизнесменом нашей компании, заключил с одним из них нечто вроде сделки. Блаватская, хотя всё ещё и бледная, смогла сама сойти на берег и медленно прогуливалась туда и сюда по причалу, но похоже, не стремилась к общению, и фактически, скорее, даже не желала его. Мы видели, как она обменялась несколькими словами с одним или двумя чиновниками и двумя людьми из отелей, и когда позже подкатил раздолбанный экипаж и мы пожелали отправиться в отель, два носильщика сразу вступили в свирепую битву за наш багаж.

Когда мы позвали начальника причала, чтобы он вмешался, выяснилось, что пока мистер Оукли договаривался с одним из этих людей, мадам Блаватская наняла другого, и поскольку она говорила с ним по-арабски, мы совершенно не подозревали об этом, пока не пришло время отъезда. Так что нам пришлось отправиться в отель, который выбрала она, и успокаивать, как мы могли, второго носильщика, которому не повезло. В конце концов дело удалось уладить, конечно же, заплатив обеим сторонам ссоры, и мы наконец смогли мирно отъехать и позавтракать. Бедная мадам Блаватская всё ещё несколько страдала от своей болезни и, очевидно, была не в лучшем настроении, но с негодованием отвергла наше робкое предложение провести день в Исмаилии, чтобы она могла восстановить свои силы. Так что, как и планировалось, мы заняли свои места в поезде.

Послание

Во время поездки к Блаватской постепенно вернулись силы, и начался небольшой разговор, но он был заметно окрашен событиями предыдущей ночи, поскольку наша предводительница удостоила нас самых мрачных предсказаний о нашей будущей судьбе:

"Ах! Вы, европейцы, — сказала она, — думаете, что вступите на путь оккультизма и триумфально пройдете через все трудности, но вы мало знаете о том, что вас ждет, и еще не пересчитали крушения на этом пути, как я. Индийцы знают, чего ожидать, и уже прошли через такие проверки и испытания, которые не привиделись бы вам в самом страшном сне, но вы, бедные слабосильные создания, что вы сможете сделать?"

Она продолжала эти кассандровские пророчества с таким однообразием, что это начинало уже бесить, но слушатели были слишком почтительны, чтобы попытаться переменить тему. Мы сидели по углам купе — Блаватская по ходу движения, а мистер Оукли сидел напротив неё с отрешенным выражением раннехристианского мученика, тогда как плачущая миссис Оукли, со всё увеличивающимся выражением ужаса на лице, сидела напротив меня. Сам же я чувствовал, будто подставил зонтик под сильный душ, но размышлял, что в конце концов довольно много других людей вступили на этот путь и достигли его цели, и мне казалось, что даже если мне не удастся достичь её в этой жизни, по крайней мере я смогу заложить хорошее основание для работы в следующем воплощении. *Che sara, sara!* (Что будет, то будет — итал.).

В те доисторические времена поезда обычно освещались коптящими масляными лампами, и в центре потолка каждого купе была большая круглая дыра, куда носильщики вставляли эти лампы, пробегая по крышам вагонов. Однако, это был дневной поезд, и через дыру было видно голубое небо. Получилось так, что мы с м-ром Оукли сидели откинувшись в своих углах, так что оба мы увидели повторение ранее описанного мною феномена, случившегося в Англии. Мы увидели, как в этой дыре образуется шар беловатого тумана, и мгновением позже он сгустился в сложенный лист бумаги, который упал на пол нашего купе. Я бросился к нему, поднял его, и сразу же вручил Блаватской. Она тут же развернула и прочла его, и я увидел, как её лицо вспыхнуло багрянцем.

"Уф, — сказала она, — вот что я получаю за то, что пытаюсь предупредить вас об ожидающих вас неприятностях", — и бросила бумагу мне.

"Я могу прочитать?" — спросил я, и она ответила: "А как вы думаете, зачем я вам её дала?" Я прочитал её и обнаружил, что это записка за подписью Учителя Кут Хуми, в которой мягко, но совершенно ясно указывалось, что пожалуй зря она, имея с собой серьезно настроенных и полных энтузиазма кандидатов, рисует им мрачные картины пути, который, как бы труден он ни был, в конце концов должен привести их к несказанной радости. Завершалось послание несколькими добрыми словами, обращенными поимённо к каждому из нас. К сожалению, я не могу совершенно точно передать слова этого письма, хотя я уверен, что верно передал его общий тон. Короткая фраза, обращенная лично ко мне, была такой: "Скажите Ледбитеру, что я удовлетворен его преданностью и рвением".

Немного пыли

Вряд ли нужно говорить, что всех нас это весьма утешило, мы были полны благодарности и испытали подъем, но хотя вряд ли можно было сформулировать укор в более мягких тонах, было видно, что Блаватская не вполне это оценила. До начала нашего разговора она читала какую-то книгу, обзор которой она хотела сделать в "Теософисте", и всё еще сидела с раскрытой книгой на коленях и ножом для разрезания бумаги в руке. Теперь она продолжила чтение, смахивая пыль пустыни (которая сыпалась в купе через открытое окно) со страниц ножом для бумаги. Когда ворвалось особенно свирепое облако песка, м-р Оукли встал и сделал движение, собираясь закрыть окно, но Блаватская недобро посмотрела на него и презрительно, с безмерным сарказмом спросила: "Вам ведь не мешает немного пыли?" Бедный мистер Оукли ретировался в свой угол, как улитка в свой домик, а наша предводительница больше не изрекла ни слова до самого нашего прибытия на станцию в Каир. Конечно же, эта пыль была довольно мучительна, но после одного этого замечания мы решили, что лучше уж терпеть её в молчании. Помню, что миссис Оукли носила одно из тех любопытных изобретений, которые женщины называют "боа из перьев", и прежде чем мы достигли Каира, всё оно представляло собой сплошную полосу песка — перья были уже неразличимы.

Еще одна внезапная перемена

В Каире мы наняли экипаж и поехали, естественно, в отель Шепхердс, который обычно был прибежищем англичан. Похоже, у тридцати или сорока человек возникла та же самая идея, поскольку мы обнаружили, что обширный входной холл заполнен людьми, толпящимися в ужасной суматохе. Наш багаж, которого у нас было приличное количество, был нагроможден на полу в центре холла, и на нем сидела Блаватская, тогда как мистер Оукли пытался пробиться через толпу к стойке регистрации, чтобы снять для нас комнаты. Едва ему удалось это сделать (фактически, он еще пробирался сквозь толпу обратно к нам), как она вскочила со своего места и возбужденно позвала его, сказав, что мы в этом отеле вообще не останавливаемся, а должны будем направиться в отель д'Орент, который держали Куломбы во время своего пребывания в Египте — она получила намек, что в этом доме мы можем получить много сведений, которые могли бы оказаться полезны Блаватской, когда ей придется разбираться с ними потом.

Конечно, это опять всё смешало — бедному мистеру Оукли пришлось возвращаться и отменять заказ на снятые им комнаты, и мы отправились в другой отель, который, будучи конечно не столь фешенебельным, всё же оказался достаточно комфортабельным. Он находился на площади Эзбекие, и нам досталось несколько приятных комнат, выходящих в сад. Мы оставались там несколько дней, и предложение, полученное Блаватской, оказалось весьма плодотворным, поскольку она смогла получить от новых хозяев гостиницы и слуг, проработавших там несколько лет, многочисленные свидетельства и подробности о ненадежном и нечистоплотном поведении её прежних владельцев.

Старший брат

В комнате Блаватской в этой гостинице я и увидел впервые одного из членов Братства. Сидя на полу у её ног и сортируя для неё кое-какие бумаги, я был поражен видом возникшего между нами человека. Он уж точно не вошел через дверь, которая была прямо передо мной и не открывалась. Я вскочил, издав громкий возглас удивления, что вызвало у Блаватской безудержный хохот. Подтрунивая надо мной, она сказала: "Недалеко вы уйдете по пути оккультизма, если вас можно легко поразить такими пустяками". Затем она представила меня посетителю, который оказался Джуалом Кхулом, который теперь Учитель, а тогда еще не принял посвящения, после которого он стал адептом.

Наше пребывание в Египте было весьма примечательным опытом во многих отношениях, поскольку Блаватская постоянно рассказывала нам многое о внутренней стороне того, что мы там видели. Она уже бывала в Египте раньше и была хорошо знакома с некоторыми из официальных лиц, включая премьер-министра Нубар Пашу, который очень любезно пригласил нас на обед. Похоже, она также очень близко знала русского консула, г-на Хитрово, который был к ней очень любезен и внимателен, посылая каждое утро большой букет красивых цветов, и во всех отношениях вёл себя с ней как с леди самого высочайшего происхождения, каковой она в действительности и была в своей стране. Она также представила нас мсье Масперо, хранителю тогдашнего Булакского музея. Особенно мне помнится, как мы шли с этим джентльменом через музей, и как Блаватская могла сообщать ему огромную массу интереснейшей информации о разных диковинках, предоставленных на его попечение.

Отвратительная церемония

Мы видели множество странных вещей, и, конечно же, иметь в своей компании человека, столь хорошо понимавшего восточные обычаи и способного объяснить смысл многого такого, чего бы мы без нее не поняли, было для нас огромным преимуществом. Помню, как однажды мы выглянули из окна гостиницы и увидели несколько человек, очевидно, мусульман, собравшихся в саду на площади в круг, лицами внутрь. Немного, вполголоса, посоветовавшись, они начали необычайно беситься, то вскидывая руки над головами так высоко, как могли, то выгибаясь назад, насколько возможно, а затем наклоняясь вперед, доставая кончиками пальцев до земли. И с каждым из этих конвульсивных движений все они выкрикивали в унисон имя Бога — "Ал-ла-а!"

Это примечательное представление длилось около получаса, пока внезапно все они не повернулись налево, всё еще построившись в круг, но друг за другом. И тогда каждый положил руки на плечи предыдущего человека, и они начали бегать по этому кругу, *лая в унисон* точно, как собаки. Это продолжалось примерно около пяти минут, а затем один из людей выпадал из круга — он страшно корчился, изо рта его шла пена. Через несколько мгновений в таком состоянии были уже все, и

сцена была препротивной. Через некоторое время, похоже, они приходили в себя, садились, ошарашенно осматриваясь вокруг, а затем помогали друг другу подняться на ноги и, пошатываясь, брели прочь.

Необычно было и то, что прохожие на этой людной улице принимали всё это как нечто само собой разумеющееся, и никто даже не останавливался посмотреть на этих людей, а уж тем более предложить им помощь. Блаватская сказала нам, что они принадлежат к одной из сект, принявших такую практику, с помощью которой, как они верили, ими овладевали определенные духи, от которых, находясь в таком состоянии, они могли получить все виды полезной информации — например, где можно найти клад, или получить совет касательно любых затруднений, в которых они могли оказаться. Она также в самых ужасающих образах описала нам особенно противных и злых элементарных существ, которых они собирали вокруг себя этой отвратительной церемонией.

Она знала арабский

Блаватская знала арабский и развлекала нас, переводя нам не предназначенные для чужих ушей замечания, которые отпускали степенные и почтенные арабские купцы, сидя и разговаривая между собой на базаре. После того, как они некоторое время называли нас христианскими собаками и непочтительно отзывались о наших родственниках в нескольких коленах, она вежливо осведомлялась у них на их родном языке — как они думают, приличествует ли добропорядочному сыну Пророка так говорить о тех, с кого они надеются получить большую прибыль. Эти люди всегда были очень смущены, не ожидая, что кто-то из европейцев может вообще их понять.

Однако арабский, похоже, был единственным восточным языком, который она знала хорошо. Санскрита она не знала, и многие трудности нашей теософической терминологии происходят из того факта, что в те времена ей приходилось описывать любому индийцу, который оказывался поблизости, то, что она видела или знала, и спрашивать у него санскритское название для этого. Очень часто тот, кто сообщал ей термин, не очень понимал, что она имела в виду, а даже если и понимал, то мы должны помнить, что она спрашивала приверженцев разных школ философии, и каждый отвечал соответственно смысловому оттенку, придаваемому этому термину в его собственном учении.

Феномены

В этот период вокруг Блаватской постоянно происходило много любопытных явлений. Во-первых, самым поразительным из феноменов была она сама, поскольку её перемены были многообразны. Иногда её телом пользовались сами Учителя и прямо писали или говорили через нее. В другие периоды, когда её "я" могло быть занято где-то еще, её тело занимали один или два ученика более низкой степени, чем она сама, и были даже случаи, когда оно оставалось на

попечении другой женщины — я думаю, тибетки. Я сам часто видел, как происходили эти изменения, и как новый человек, вошедший в тело, осматривался вокруг, чтобы выяснить положение дел в том месте, куда он прибыл, и пытался ухватить нить разговора, например. И всё же, она ни в каком смысле не была обычным медиумом, поскольку в качестве истинного владельца тела она находилась более или менее в пределах досягаемости, была в полном сознании и полностью понимала происходящее.

Эти удивительные изменения иногда приводили к самым необычайным сложностям. Чела, которого внезапно призывали занять её тело, был, конечно, в неведении о том, что она говорила несколькими минутами раньше, и потому мог случайно допустить то, что выглядело явным противоречием. Я помню историю, рассказанную мне позже одним из живших в доме на Авеню Роуд, которая хорошо иллюстрирует трудности, с которыми нам приходилось сталкиваться. Рассказчик обладал некоторым опытом в юриспруденции, и вследствие этого его обычно посылали действовать в качестве представителя этого домовладения, или самой Е. П. Блаватской, когда возникало какое-то дело, требовавшее услуг юристов.

Характерный опыт

В один прекрасный день такое дело появилось. Я точно не знаю, в чем оно состояло, но со стороны Блаватской оно требовало подписания нескольких документов. Наш член положил перед ней документы и постарался с истинно юридическим чувством ответственности объяснить ей их смысл, но она, похоже, вовсе не поняла это с достаточной ясностью, и даже несколько нетерпеливо отодвинула бумаги в сторону. Получив, как он полагал, все необходимые подписи, он ушел и собрался отправиться в Сити, но обнаружив, что погода холоднее, чем он ожидал, решил надеть плащ, и взбежал за ним по лестнице в свою комнату.

Перекладывая свои бумаги из одного кармана в другой, он механически пробежался по ним, чтобы убедиться, что все они на месте, и к счастью обнаружил, что одна из них осталась неподписанной, так что спускаясь, он еще раз зашел в комнату Блаватской и сказал:

— Здесь оказалась одна из бумаг, которую я пропустил; не подпишите ли вы её?

— Каких бумаг?

— Это лишь еще одна из тех, что вы подписали несколько минут назад.

— Что вы имеете в виду? Я не подписывала никаких бумаг, — ответила она с негодованием.

— Но вот же они, — запротестовал озадаченный сотрудник, и разложил бумаги перед ней.

— Да, вижу, — сказала она, по-видимому, смягчившись, — но каково их назначение?

Наш друг еще раз повторил свои объяснения, и они в этот раз не только были полностью поняты, но *эта* мадам Блаватская оказалась лучшим деловым человеком, чем он сам, и задала ему вопросы, на которые он не смог ответить!

Неудивительно, что посторонние не всегда могли вполне уловить ситуацию!

Помню, как однажды она купила на рынке благовоний в Каире крошечную бутылку розового масла для комнаты-часовни в Адьяре, заплатив за нее 2 фунта. Когда через полчаса мы обедали в отеле, сидя за маленьким столиком в алькове, заказанном для нашей компании, из пространства на стол упали два английских соверена. Блаватская объяснила нам, что Учителя сказали ей, что она не должна тратить на них деньги таким образом, поскольку нам, прежде чем мы достигнем Адьяра, понадобится каждый имеющийся у нас шиллинг — как впоследствии конечно же и оказалось.

Время от времени я наблюдал многие явления, близко связанные с мадам Блаватской. Я видел, как она осаждала рисунки и тексты, а также, как при помощи оккультных сил она находила какой-нибудь потерянный предмет. В некоторых случаях я видел, как в её присутствии из воздуха падали письма; и я должен также заявить, что видел, как такое письмо упало в нашей штаб-квартире, в Адьяре, когда сама она была в Англии, в шести тысячах миль оттуда. После её ухода с физического плана и сам я несколько раз удостоивался чести доставлять такие же письма от Учителя.

В те ранние дни Теософического Общества послания и инструкции от Учителей были частыми, и великолепный уровень энтузиазма, с которым мы жили, те, кто вступил в него уже после смерти Блаватской, вряд ли могут представить. Те из нас, кто получили неоценимую привилегию быть в непосредственном соприкосновении с Учителями, естественно, сохранили этот энтузиазм, но нам, чьи силы настолько меньше, чем её, оказалось нелегко в полной мере передать его новым членам. Я, однако, иногда задумываюсь, как смогли бы выдержать многие из наших нынешних членов несколько суровую, но примечательно эффективную тренировку, которой она подвергала своих учеников. Могу засвидетельствовать, что *во мне* её крутые методы произвели радикальные изменения за очень краткий срок, а также тот факт, что они закрепились и стали постоянными!

Когда я попал в её руки, я был обычным сельским священником, любившим поиграть в теннис на траве — думаю, что вполне добропорядочным и совестливым, но страшно робким и стеснительным, со всеми страхами среднего англичанина выглядеть белой вороной или попасть в смешное положение. Через несколько недель её воспитания я достиг стадии, на которой совершенно закалился по отношению к насмешкам, и меня уже нисколько не заботило, что подумают обо мне другие. Я имею в виду это совершенно буквально — не то, чтобы я просто научился выносить клевету стоически, несмотря на внутреннее возмущение, а я на самом деле не заботился, что подумают или скажут обо мне люди, и вообще никогда не обращал на это внимания, и с тех пор не обращаю! Я

признаю, что её методы были крутыми и определенно неприятными, но в их действенности сомнений быть не может.

Если не считать Великих Учителей Мудрости, я больше не знал ни одного человека, от которого бы столь видимо исходила сила. Конечно же, она была и умна; она не была ученым в обычном смысле слова, однако, как я уже упоминал, владела по-видимому неистощимыми запасами необычайных знаний по всем видам посторонних и неожиданных предметов. Она была неутомимой труженицей, работая с утра до ночи, и ожидала от всех окружающих такого же энтузиазма и такой же удивительной стойкости. Она всегда была готова пожертвовать собой — да фактически и другими — на благо дела, той великой работы, в которой она была занята. Предельная преданность своему учителю и его работе была доминантой её жизни, и хотя сейчас она носит другое тело, эта нота всё еще звучит неизменно, и если когда-нибудь ей укажут выйти из своего уединения и снова заняться обществом, которое она основала, мы услышим, как она протрубит в наших ушах подобно горну, сзывающему вокруг неё старых и новых друзей, чтобы вековая работа была продолжена.

VII

Наше путешествие в Индию

Наше интересное пребывание в Каире было окончено с новостями, что наш пароход "Наварино", принадлежавший Британской Индии, прибыл в Порт-Саид. Туда я был послан в качестве передового курьера, чтобы заранее устроить некоторые особые удобства для Блаватской, которая, как и остальные члены нашей небольшой компании, хотела избежать прохождения по каналу и сесть на пароход уже в Суэце. Это небольшое поручение я исправно выполнил, и думаю, что наша предводительница была вполне довольна обеспеченными удобствами, хотя конечно же они сильно уступали роскоши более крупных современных судов. У нас был полный комплект пассажиров, и полагаю, что и они, и члены команды составляли обычную толпу, которую можно ожидать встретить на борту парохода, отправляющегося на восток. Пожалуй, несколько необычным был капитан, ибо он был человеком очень религиозным, узко мыслящим и пуритански настроенным, потому вовсе не естественно, что он относился к Блаватской с сильным неодобрением, которое, похоже, было сильно смешано с ужасом. Ко всей нашей компании он относился с ледяной сдержанностью, и за всё путешествие никто из нас не обменялся с ним более чем несколькими словами. Однако его подчинённые были более общительны, и я помню, что миссис Оукли, которая была неутомимой пропагандисткой, подружилась с третьим помощником, мистером Уоджем, и смогла немного заинтересовать его теософией — по крайней мере, в достаточной степени, чтобы побудить его прочесть одну или две книги, присутствовать на одном из наших собраний в Адьяре, и, думаю, переписываться с ней и позже.

Среди пассажиров было несколько миссионеров, и они, за одним исключением, похоже, считали нас эмиссарами Князя Тьмы. Исключением был молодой священник из Уэсли по фамилии Ресторик, с которым я играл в настольный теннис. Я нашёл его вполне разумным и дружелюбным, и охочим без всяких едкостей обсуждать все виды религиозных вопросов. Совсем другой тип представлял искренний, но совершенно необразованный миссионер из Америки, которого звали Дэниэл Смит. Он не делал тайны из того факта, что раньше клал кирпичи, но нашёл эту тяжёлую работу на открытом воздухе непосильной для своего здоровья, и как он выразился, Господь призвал его проповедовать Евангелие язычникам.

Возможно, по причине своего невежества он был склонен к агрессии, и часто ввязывался в споры с Блаватской, что было большим развлечением для пассажиров. Боюсь, что наша предводительница испытывала нечто вроде чертовского удовольствия, затягивая его в разговор и побуждая делать самые невозможные богословские заявления. Она знала Библию гораздо лучше, чем он, и могла постоянно приводить неожиданные и малоизвестные цитаты, которые вызывали у него негодующий протест: "Этого нет в Библии! Я уверен, что нет!".

Тогда Блаватская с ледяным спокойствием обращалась ко мне: — "Ледбитер, принесите из каюты мою Библию" — и приводила его в полное замешательство, показывая главу и стих. Однажды он столь смешался, что ответил: "Ну во всяком случае я уверен, что в моём экземпляре этого нет". Но довольный смешок, пробежавший по аудитории, предостерег его от таких необдуманных заявлений в будущем.

Я помню, как однажды во время нашего перехода через Индийский Океан мы с Блаватской прогуливались по палубе в великолепном сиянии тропического восхода, когда сей достойный миссионер появился наверху лестницы, и она сразу же приветствовала его следующими словами:

"Ну, мистер Смит! Посмотрите вокруг, на спокойное сияющее море и прекрасные цвета! Посмотрите, как благ ваш Бог! Надеюсь, что в такое прекрасное утро вы не станете говорить мне, что я вечно буду гореть в аду!"

Я должен отдать преп. Дэниэлу должное — он густо покраснел, и было видно, что ему очень неудобно, но он мужественно держался своего и с видимым усилием ответил:

"Мне очень жаль, мэ, но я полагаю, что будете."

Естественно, что яркая и сильная личность Блаватской произвела впечатление на всё общество — как на членов команды, так и на пассажиров (исключая капитана), и когда бы в хорошую погоду она ни решила показаться на палубе, она быстро собирала вокруг себя нечто вроде свиты заинтересованных слушателей, которые задавали ей вопросы на всевозможные темы и зачарованно слушали её рассказы о её переживаниях и приключениях в отдалённых уголках мира. По вечерам они особенно просили рассказать о необычайном и сверхъестественном, что она делала так хорошо и с таким мрачным реализмом, что аудиторию пробирала

приятная дрожь. Однако я заметил, что у слушателей была явная склонность держаться после этого вместе, и никто не отваживался войти в тёмный проход в одиночку!

"Наварино" был не вполне океанским лайнером, но в конце концов мы всё же прибыли в Коломбо, где нас встретил полковник Олкотт, который познакомил меня с ведущими членами тамошнего Буддийского Теософического Общества. Это было прежнее поколение сотрудников, и как я полагаю, вряд ли кто-нибудь из этих сингальских джентльменов, занимавших тогда среди нас видное место, всё ещё держит флаг Теософического Общества на физическом плане. Особенно мне запомнился старый Мохандирам (важный городской чиновник), мистер Уильям де Эбрю (отец известного Питера де Эбрю, столь верно трудившегося для нас много лет), Дон Гаролис де Мутваль, мистер Дж. Р. де Сильва (которого полковник по какой-то причине называл "доктором", хотя это и не было его профессией), мистер Ч. П. Гунавардана (тогдашний секретарь филиала в Коломбо), мистер С. Н. Фернандо, мистер Виджьясекара, мистер Хендрик де Сильва и другие, чьи имена я уже позабыл, хотя их лица ясно стоят перед моим умственным взором. В конце концов, это было 46 лет назад, более чем половина долгой жизни!

Я становлюсь буддистом

Но самое главное, что я был представлен великому буддийскому лидеру и учёному Хиккадувэ Сумангала тхеро, первосвященнику Пика (Шри-Пада) и Галле и ректору монашеского колледжа Видьёлая в Марадане — самому образованному и уважаемому из лидеров южной школы буддизма.

В свой прежний визит на этот прекрасный остров Шри Ланка Олкотт и Блаватская произнесли исповедание буддийской веры и были формально приняты в эту религию, и теперь Блаватская спросила меня, хочу ли я в этом последовать их примеру. Она сильно подчёркивала, что если я предприму этот шаг, это должна быть полностью моя инициатива и моя ответственность, и что она не хочет меня убеждать, но думает, что поскольку я христианский священник, открытое принятие мною великой восточной религии сделает многое, чтобы убедить и индусов, и буддистов в честности моих намерений и позволит мне стать куда более полезным, работая среди них для наших Учителей.

Я ответил, что испытываю величайшее почтение к Господу Будде и всем сердцем принимаю его учение, так что для меня будет большой честью вступить в ряды его последователей, если это можно будет сделать, не отрекаясь от христианской веры, в которой я был крещён. Она уверила меня, что такого отречения от меня требовать не будут, и что между буддизмом и *истинным* христианством несовместимости нет, хотя никакой просвещённый буддист не станет верить в грубые богословские догмы, обычно проповедуемые миссионерами. Буддизм, сказала она, вопрос не веры, а жизни, и меня попросят не принимать какой-либо символ веры, а жить в согласии с заповедями Господа Будды.

Конечно, на это я полностью согласился, и было устроено, что меня представят первосвященнику для принятия.

Само слово "первосвященник" несколько неверно, хотя оно употреблялось среди нас применительно к старейшине Сумангале. Пожалуй, вернее было бы назвать его главным настоятелем. В действительности в буддизме нет священства, не приносятся никаких жертв и не проводится публичных служб. Братьев в жёлтых одеждах, которые составляют столь живописную черту жизни во всех буддийских странах, лучше всего будет назвать монахами, и самое близкое к публичной службе, что они совершают — дают *пансил*, как это называется, тем людям, которые этого просят. При этом они читают на пали священную формулу Трёх Драгоценностей Прибежища и Пяти Правил, которыми буддистам следует руководствоваться в своей жизни, а люди повторяют читаемые ими обеты.

Тройственное Прибежище

Чтение этой самой формулы и составляет торжественное принятие буддизма, и потому её мне и пришлось повторять за первосвященником в саду его школы. Обет этот ясный и простой, но далекоидущий. Он открывается тем, что можно назвать хвалой Будде:

"Почтение Благословенному, Святому, Совершенному в Мудрости".

Это повторяется трижды, а затем следует *Тисарана*, обычно называемая "Тройственным Прибежищем". "Прибежище", однако, не совсем точный эквивалент палийского слова, которое, похоже, означает скорее "водительство". Самое близкое к истинному смыслу изложение этой декларации, пожалуй, будет таким:

Я прибегаю к водительству Будды.

Я прибегаю к водительству его Закона.

Я прибегаю к водительству его Братства.

Слово "дхамма" (санскритское "дхарма"), обычно переводимое как "закон", в действительности несет гораздо более широкое значение. Это вовсе не закон, или серия заповедей, данных Буддой, но это его изложение универсальных законов, по которым существует Вселенная, а долга человека, являющегося частью этой великой схемы. Вышеприведенные слова употребляются буддистом именно в этом смысле. Произнося Тисарану, он выражает принятие Будды в качестве водителя и учителя, следование проповеданному им учению и признание великого братства буддийских монахов (сангхи) как опытных толкователей этого учения.

Это ни в коей мере не подразумевает принятие толкований какого-либо конкретного монаха, а лишь всей Сангхи в самом широком, всемирном смысле. Буддист считает, что та интерпретация верна, которой всё Братство придерживается повсюду и во все времена, что близко к католическому

исповеданию, что верить надлежит лишь в то, что принималось "semper, ubique et ab omnibus" — всегда, повсюду и всеми. Но похоже, по крайней мере в некоторых случаях, этой идее о Братстве придается гораздо более широкое значение — в это понятие включается не только монашеский орден, существующий сейчас на физическом плане, но вся Сангха от самого начала, что соответствует христианскому представлению о сообществе святых, а возможно, и Великому Белому Братству.

Пять обетов

Сразу же за этой декларацией читается Панча Шила, обычно известная как "Пять заповедей". Опять же, слово "заповедь" тут будет не совсем точным, хотя и является допустимым переводом слова "шила"; гораздо ближе к факту будет слово "обет", хотя оно вряд ли годится в качестве буквального перевода. Их часто сравнивают с десятью заповедями Моисея, но в действительности они отличаются по характеру, и будучи менее многочисленными, в то же время являются более исчерпывающими. Обеты эти следующие:

1. Я обязуюсь не лишать никого жизни.
2. Я буду воздерживаться от присвоения того, что мне не принадлежит.
3. Я буду воздерживаться от незаконных половых связей.
4. Я буду воздерживаться от лжи.
5. Я буду воздерживаться от опьяняющих напитков и наркотиков.

Вряд ли разумного человека не поразит, что, как пишет Хенри Олкотт, "строго соблюдающий эти обеты избежит и всех причин человеческих несчастий, ибо если мы изучим историю, то обнаружим, что все они происходят от какой-либо из этих причин. Далеко видящая мудрость Будды особенно ясно явлена в первой, третьей и пятой заповедях, поскольку отнятие жизни, чувственность и применение одурманивающих средств вызывают по меньшей мере 95% человеческих страданий".

Интересно отметить, насколько каждый из этих обетов идет дальше, чем соответствующая иудейская заповедь. Вместо заповеди "не убий" (человека), мы обязуемся вообще не отнимать жизнь. Вместо "не укради" мы имеем более широкую заповедь не брать того, что нам не принадлежит, подо что попадает принятие того, что дают нам незаконно, и многие другие случаи, совершенно не относящиеся к тому, что обычно считают воровством. Можно заметить, что и третье из этих правил включает в себя гораздо больше, чем седьмая заповедь Моисея, запрещая не только какой-то один вид незаконных сношений, но все. Вместо запрета на лжесвидетельство в суде нам предписывается избегать лжи вообще. Я часто думал — как хорошо было бы для всех европейских стран, принявших учение Христа, если бы легендарный Моисей включил в свои десять заповедей и пятое из буддийских правил — не касаться ни алкоголя, ни наркотиков. Насколько проще были бы все наши основные проблемы, соблюдайся эта заповедь в Англии и Америке, как соблюдается она в буддийских странах!

Для буддизма также очень характерно, что там нет запрещающих заповедей по типу "ты не должен делать то или это". Приказаний, даваемых богом или учителем, нет, а каждый просто спокойно обещает воздерживаться от некоторых действий, которые, очевидно, нежелательны.

Старейшина Сумангала

Такова была формула, которую мне предстояло прочесть перед старейшиной Сумангалой, и тогда же он кратко объяснил мне, что она означает. Я помню также, что прежде чем принять меня, он спросил, вполне ли я понял религию, в которой был рожден, указав, что такое рождение происходит не случайно, и что я должен быть уверен в том, что хорошо усвоил уроки, которыми она должна была меня научить.

Даже при этом моем первом знакомстве с ним я был очень впечатлён его благородством, любезностью и очевидной честностью. Сразу чувствовалось, что находишься в присутствии поистине великого человека. Я гораздо лучше узнал его потом, поскольку несколько лет был занят на Шри-Ланке просветительской работой и всегда находил его эрудированным, способным, доброжелательным и не лишенным чувства юмора.

Хотя это не относится к данной стадии моей истории, а произошло двумя годами позже, я включу сюда небольшой эпизод, который представляется довольно характерным для него. Поскольку его колледж Видьёлая был не очень далеко от тогдашнего главного вокзала Коломбо и вполне в пределах досягаемости потока любопытствующих, сходявших с больших почтовых пароходов, у старейшины было множество европейских посетителей, и в особенности к нему старались зайти интересовавшиеся восточными религиями.

Например, я помню, как однажды на сцене появился профессор санскрита из одного большого европейского университета, и Сумангала радостно встретил его приветственной речью на санскрите, однако был сильно удивлен, что ученый профессор не мог понять из неё ни слова, поскольку он, очевидно, вообще не считал санскрит языком, на котором говорят! С другой стороны, когда в Коломбо приехал сэр Эдвин Арнольд, он удостоился царского приветствия, и в данном случае разочарования не последовало, ибо он не только смог понять слова любви, обращенные к нему, но и ответил на них долгой и беглой речью на санскрите!

Но тот случай, который я хотел упомянуть, имел немного иной характер. Посетитель был довольно видным французским ученым, пришедшим посмотреть на главного старейшину скорее из любопытства, а может и чтобы отдать дань вежливости ученому человеку, о котором он что-то слышал еще в Европе. Этот джентльмен с уважением говорил о философии Будды, но посетовал на то, что он иногда делал заявления на научные темы, которым нет оправдания. Старейшина попросил его привести пример, и француз процитировал утверждение, что Земля покоится на воде, вода, в свою очередь, на воздухе, а воздух — на пустом пространстве. Сумангала весьма вежливо его выслушал и сказал, что он, конечно,

в курсе удивительных открытий западной науки и всегда рад узнать о них всё, что может. А затем он совершенно невинно спросил ученого, каковы же новейшие заключения по этому вопросу с европейской точки зрения. Он спросил:

— Если бы было возможно пробурить скважину от места, находящегося прямо под нашими ногами, до другой стороны Земли, где бы оказался другой её конец?

Ученый подумал немного и ответил:

— Если прикинуть приблизительно, то думаю, что где-то в Тихом Океане.

— Так, — сказал старейшина с глубоким интересом, — а если мы пройдем сквозь океан, где мы окажемся дальше?

— Конечно же, — ответил ученый, — мы должны выйти в атмосферу.

— А пройдя через атмосферу?

— Естественно, мы тогда попадем в межпланетное пространство.

— Тогда, — мягко заметил Сумангала, — похоже, что заключения современной науки вовсе не сильно отличаются от учений Бхагавана Будды!

Прибытие в Мадрас

После дня или двух в Коломбо мы продолжили наше путешествие на борту "Наварино", и вовремя прибыли в Мадрас,* где встретились с сильным волнением, что сделало нашу высадку неприятным и даже несколько рискованным делом. За несколько лет до того там был возведен волнорез, но он оказался недостаточно крепким, чтобы противостоять бурям, поднятым муссоном, так что всё, что от него осталось — несколько разбросанных нагромождений камней. В результате нам пришлось покинуть корабль на огромных шлюпках весьма необычной конструкции. Доски, из которых они были сделаны, по всей видимости не были сбиты, как обычно, а как бы *простёганы* и сшиты вместе веревкой, — таким образом достигалась любопытная сжимаемость по сторонам. Нам сказали, что этот метод позволял им сопротивляться ударам огромных волн лучше, чем если бы их конструкция была более жесткой.

* Теперь переименован в Ченнай. — *Прим. ред.*

Лодки были очень глубокими, и гребцы со своими длинными веслами кое-как уселись по сторонам, по самому планширу, тогда как несчастные пассажиры повалились у них под ногами в углубление посередине, которое было бы трюмом, кабы у этой лодки была палуба. Можно понять, что высадка на такие суденышки с парохода, который сильно качало на открытых волнах (ведь ничего, подобного бухте, там, конечно, не было) требовала большой ловкости, и вправду была определенно опасным делом, потому что лодка лишь на мгновение оказывалась на

уровне фальшборта парохода и сразу после этого была уже шестью или даже девятью метрами ниже, поскольку волны были прямо, как горы.

Нужно было прыгать точно в верный момент, и большинство пассажиров один за другим совершили это, хотя и в сильном трепете, в основном неуклюже сваливаясь на дно лодки. Очевидно, для мадам Блаватской такого сорта гимнастика была невозможна, и единственной альтернативой оказалось крепко привязать её к стулу и спускать на лебедке, как груз. Вряд ли нужно говорить, что ей не очень понравилась эта операция, и я думаю, что отпущенные ею по этому поводу выражения удивили даже бывалых моряков. Однако она была спущена и принята в целости и сохранности, и хотя сам процесс мог выглядеть и лишенным достоинства, думаю, что некоторые из оставшихся ей даже завидовали.

Вскоре все мы были уже на лодке, очень промокшие, но больше никак не пострадавшие. Нужно вспомнить, что Блаватская возвращалась в Индию, чтобы ответить на массу самых злобных и лживых обвинений, выдвинутых против нее миссионерами Мадрасского Христианского Колледжа, и что эти так называемые миссионеры уверенно предрекали, что она никогда не вернется и не сможет ответить на эти обвинения. Поэтому индийцы считали её героиней и мученицей, и тысячами пришли устроить ей такое приветствие, какое приличествовало бы вернувшемуся с победой генералу.

Как нас приняли

Весьма заметную роль в нашем приеме играли студенты колледжа Пачьяппы; очевидно, это было демонстрацией против соперничавшего с ним Мадрасского Христианского колледжа, и, вероятно, это они были ответственны за появление оркестра, игравшего на разных диковинных индийских инструментах, в основном, насколько я помню, подобных флейтам или флажолетам, хотя были там и ударные. Тот, кто руководил встречей, сделал фатальную ошибку, послав этот оркестр на корабль в этой ужасной лодке *масули* и поскольку их уже по меньшей мере двадцать минут качало в лодке на сильных волнах, пока делались приготовления по погрузке на неё Блаватской и других пассажиров, они были совершенно свалены морской болезнью, и вместо того, чтобы приветствовать нашу предводительницу радостной музыкой, беспомощно лежали и стонали на дне лодки.

Мы подошли к пирсу, на который высадились лишь с большим трудом — фактически, некоторых оркестрантов пришлось вытаскивать на берег их товарищам. По причалу проходила трамвайная линия, на которой стоял довольно примитивный вагон конки, в который обычно запрягали лошадь, но в этот раз в него впряглись двенадцать энтузиастов из студентов, которые настаивали на том, что триумфально повезут Блаватскую по берегу среди огромной толпы приветствующих. Посмотреть на это зрелище приехало довольно много европейцев — они сидели в своих экипажах в конце причала. Думаю, что супруги Оукли были определенно не в своей тарелке и чувствовали себя неудобно, и должен признаться, что был немного смущен и сам, поскольку встреча была,

мягко говоря, необычной, но Блаватская принимала всё это гостеприимство с большим достоинством, как нечто разумеющееся, и похоже, даже получала от этого удовольствие.

Комизма этой сцене добавляло то, что бедным музыкантам, всё ещё отчаянно страдавшим морской болезнью, было дано указание идти перед вагоном *пятысь*, и не только непрерывно играя во всю, но и кланяясь в сторону вагона во время движения. У меня нет слов, чтобы описать эту удивительную процессию, и если читатель обладает достаточно сильным воображением, он может попробовать представить этих героических оркестрантов, всё ещё зеленых и шатающихся от морской болезни, идущих, точнее, ковыляющих задом наперёд, всё время низко кланяющихся, но между приступами благородно старающихся извлечь из своих разнообразных инструментов хоть несколько нот. Эта потрясающая процессия пробиралась через тесную и дико ревущую толпу — все махали флагами и кричали, что есть мочи. Причал казался очень, очень длинным, но наконец мы достигли того его конца, который примыкал к берегу, и там обнаружили, что некий симпатизирующий махараджа послал навстречу Блаватской карету, чтобы доставить её в зал Пачьяппы, где к ней должны были обратиться с приветственной речью студенты.

В зале Пачьяппы

Нас вытолкнули на сцену, где Олкотт и Блаватская устроились в двух больших креслах. Зал был набит до отказа, и гул приветствий не давал говорить несколько минут. Конечно, по доброму и зрелищному индийскому обычаю все мы были украшены гирляндами цветов. Была сделана попытка прочитать приветственную речь, но из-за неукротимых взрывов приветствий было трудно за ней следить. Затем полковник Олкотт поднялся, чтобы ответить от имени Блаватской, и можно было надеяться, что его речи позволят стать заключительной, но было много индийских братьев, пожелавших выразить свою симпатию, а также пламенное негодование на звериную злобу миссионеров.

Слышались настоятельные требования, чтобы выступила и сама Блаватская, и хотя она обычно не выступала на публике, она в конце концов согласилась сделать это по такому особому случаю. Естественно, её приняли громом аплодисментов, которые продолжались так долго, что ей пришлось сесть и ожидать, когда они закончатся. Когда наконец ей позволили говорить, она очень хорошо начала, сказав, как тронута этим восторженным приемом, показавшим ей, что как она всегда знала, индийский народ не принимает покорно этой злой, трусливой и просто отвратительной клеветы, распространяемой этими ..., и тут она произнесла такое сильное прилагательное, что полковник поспешно вмешался и как-то убедил её снова сесть на свое место, тогда как сам обратился к одному индийскому члену, чтобы тот сделал несколько замечаний.

Особенно мне запомнилась блестящая речь молодого юриста, м-ра Гьянендранатха Чакраварти. Я раньше не имел представления о красноречии и безупречном произношении высоко образованного индийского оратора. Заседание

в зале Пачьяппы казалось мне почти бесконечным, но наконец нам позволили отправиться в Адьяр, и я впервые увидел нашу штаб-квартиру, которую потом так хорошо узнал. Даже сейчас она мне кажется домом в большей мере, чем любое другое место в мире. Конечно же, здесь Блаватскую ожидала еще одна торжественная встреча, и думаю, что даже её железное терпение к этому моменту стало подходить к пределу, ибо остальные были уже слишком измотаны, чтобы быть в состоянии оценить эту восхитительную сцену.

VIII

Наконец, Адьяр

Штаб-квартира, в которую я прибыл в декабре 1884 года, сильно отличалась от дворцового ансамбля зданий, которые теперь являются взору посетителя, когда он въезжает туда из Мадраса через Элфинстонский мост. Полковник Олкотт купил это поместье только за два года до этого и ещё не начал ту серию изменений и расширений, которая к настоящему времени столь преобразила здания. Поместье занимало 11 гектаров, и дом был обычного англо-индийского типа — небольшой, но хорошо построенный и удобный. По бокам у него были два небольших восьмиугольных садовых павильона, в каждом из которых было по две комнаты, также имелись и обычные стойла и хозяйственные постройки, к которым, однако, была добавлена ванна для плавания. К сожалению, у нас нет хороших фотографий этого дома в том его виде, хотя есть маленькая вырезка из какого-то старого журнала, дающая частичный вид, и некоторые фотографии с ранних съездов, на которых немного видно и здание.

Когда я впервые его увидел, на первом этаже у него был квадратный центральный холл, с каждой стороны которого были по две удобных комнаты. За ним было нечто вроде передней, а за ней — помещение, очевидно, задуманное в качестве основной гостиной. Оно тянулось почти на всю длину дома и открывалось на широкую террасу, выходившую на реку Адьяр. Эта комната использовалась под контору секретаря-регистратора и менеджера журнала "Теософист"; также мы держали в ней наш небольшой запас книг, имевшихся на продажу — это было семя, из которого выросла нынешняя широкая деятельность нашего теософического издательства (ТРН).

Весь дом был покрыт плоской бетонированной крышей, как обычно делается в Индии. На ней, когда дом перешел во владение Теософического Общества, была одна большая комната (теперь разделенная на две спальни), а по лестнице вниз — маленькая комнатка, нечто вроде мезонина с окном, выходящим на большой мост, в ней жил Дамодар. Большую комнату вначале занимала Блаватская, но не вполне была ею довольна, так что за то время, пока она была в Европе, в северо-восточном углу крыши для неё была возведена другая комната, в которой она и поселилась после нашего прибытия в Адьяр в конце 1884 г. Олкотт одно время жил в одном из садовых павильонов — с восточной стороны главного здания.

Восьмиугольную комнату занимал доктор Франц Хартманн, а Олкотт поселился в продолговатой комнате прямо за ней. По прибытии из Европы мы нашли все имеющиеся помещения занятыми, и в действительности даже перенаселенными, так что один или два раза я был удостоен чести переночевать на тахте в комнате полковника.

Помню, как однажды посреди ночи я проснулся и увидел высокую фигуру с фонарём, стоявшую у изголовья кровати Олкотта, что меня несколько удивило, поскольку я знал, что дверь закрыта. Я привстал на кровати, но увидев, что посетитель разбудил полковника, и тот по всей видимости его узнал, успокоившись, лег опять. После недолгого серьезного разговора фигура внезапно исчезла, что было для меня первым признаком того, что это не простой посетитель из плоти. Поскольку полковник привставший с кровати, быстро лег опять и заснул, мне пришло в голову, что мне лучше поступить так же, но утром я осмелился почтительно рассказать полковнику, что я видел. Он сообщил мне, что этим посланцем был Джуал Кхул — сейчас член Великого Братства, а тогда главный ученик и помощник Учителя Кут Хуми — тот же самый, которого я уже видел в отеле Оръент в Каире, хотя в этом случае освещение было недостаточным, чтобы я мог его узнать.

Позже, когда Блаватская уехала в Европу, Олкотт по её желанию занял новую комнату, которую построил для нее в углу крыши, и с тех пор её всегда занимает президент Общества. Изменения, сделанные с тех пор в здании штаб-квартиры, имели столь радикальный характер, что сейчас посетителю практически невозможно восстановить в уме прежний вид дома, и даже тем из нас, кто знал его раньше, трудно проследить старые ориентиры.

Зал штаб-квартиры

В следующем, 1885 году, полковник Олкотт сделал первую значительную перемену с целью обеспечить постоянный зал, где могли бы проводиться съезды. Съезд 1884 года, который как раз должен был начаться, когда я приехал, проводился в зале, который назывался "пандаль" — это было огромное временное здание со стенами и крышей из пальмовых листьев. С ним было связано множество неудобств, равно как и расходов, что заставило Комитет Общества санкционировать постройку более долговечного сооружения. Как обычно в Теософическом Обществе, главной трудностью, с которой мы встретились, была вечная финансовая проблема. Постройка зала, соответствующего нашим целям, даже в те давние времена стоила по меньшей мере 1000 фунтов, а ничего подобного такой сумме у нас не предвиделось.

Однако изобретательность Олкотта вполне соответствовала сложности задачи — он придумал план, по которому мы получали прекрасный и удобный зал, полностью удовлетворяющий нашим потребностям, примерно за шестую часть этой суммы. Перед домом — то есть перед ранее описанным квадратным холлом и примыкавшими к нему по сторонам комнатами — проходила обычная широкая индийская веранда, около тридцати метров в длину и чуть более четырёх в

ширину. В центре её выдавался навес, под которым проходил проезд, ведущий к дому. Пол этой веранды был на несколько футов выше уровня проезда, и Олкотт продолжил этот пол до края портика, а затем расширил его в обоих направлениях, пока не удвоил ширину веранды. Он поднял её крышу почти на два метра, построил стену с другой стороны, а затем сделал новое крыльцо и изменил проезд, чтобы он направлялся туда.

Таким образом он обеспечил нам зал в виде буквы Т — расширенная веранда образовывала перекладину, а первоначальный квадратный холл с присоединенной к нему прихожей — центральную линию. Трибуна для ораторов была помещена в центре длинной части и обращена к прежнему холлу, так что перед выступающими был этот холл, а по сторонам — новые расширения. Этот зал использовался для собраний на протяжении многих лет; он был рассчитан на удобное размещение 1500 человек, но по некоторым случаям в него набивалось и 2300, и даже тогда так много народу оставалось снаружи, что мы уже несколько лет как оставили попытки разместить эту толпу в помещении и проводим наши публичные встречи под ветвями большого баньяна в Саду Блаватской.

Мой первый съезд

Можно представить, с каким необычайным энтузиазмом я прибыл на первый для меня съезд Теософического Общества — что значило для меня наконец оказаться на священной земле Индии, среди темнокожих братьев, о которых я так много слышал, из которых любой мог оказаться учеником одного из наших святых Учителей, и уж по крайней мере каждый, как я думал, с самого детства изучал Ведические Писания, зная о них гораздо больше, чем могли знать мы, европейцы. Я был вполне готов увидеть в каждом лучшее и извлечь из всего максимальную пользу, и был встречен каждым, с кем мне приходилось соприкасаться, с самым добрым расположением, получив от этого огромное удовольствие. Количество и разнообразие полученных мною новых впечатлений было столь велико, что даже несколько переполняло, и по правде я лишь смутно припоминаю лекции, прочитанные тогда ещё незнакомыми мне братьями. Главной темой обсуждения были неопишимо постыдные нападки на Блаватскую со стороны некоторых лиц, называвших себя христианскими миссионерами — хотя ничто, вероятно, не могло быть более нехристианским, чем столь злостно и яростно развернутая ими клеветническая кампания.

Скоро я обнаружил, что по тому вопросу, как лучше всего ответить на эту клевету, существует большая разница мнений. Сама Блаватская была полна самого живого негодования и особенно желала преследовать клеветников в суде. Многие из её друзей и почитателей всем сердцем согласились с ней в этом, но случилось так, что среди самых важных из индийских членов оказалось множество видных юристов и государственных деятелей из различных полунезависимых индийских государств, и все они как один настоятельно не советовали ей так поступать. Они хорошо знали крайнюю враждебность чувств индийских англичан к Теософическому Обществу и заявили, что совершенно невозможно, чтобы Блаватская добилась справедливости в суде, и чтобы он проводился с обычной

беспристрастностью. Самому мне нечего было предложить по этому вопросу, так что я не буду здесь об этом распространяться, но я хотел бы отослать читателей к III тому "Страниц старого дневника" Х. С. Олкотта (с. 190-195), где они найдут все доводы, которые и привели к решению, к которому пришел Комитет.

Еще одно соображение, которое, как я думаю, имело большой вес при принятии этого решения, состояло в том, что было совершенно невозможно предотвратить вынесение на суд вопроса существования наших святых Учителей, что не преминули бы сделать наши враги, так что их имена были бы выставлены на поругание крайне неразборчивых в средствах клеветников, что само причинило бы максимум боли тем, кто любил их и следовал за ними. Чувствовалось, что подобное святотатство вызвало бы среди всех приличных индусов такое широкое негодование и ужас, что было бы лучше выдержать любое поношение, чем позволить врагам вылить такой ужасный поток грязи. Полковник Олкотт (сам будучи юристом) бросил весь вес своего влияния на сторону более благоразумной партии, и в конце концов Блаватская очень неохотно согласилась подчиниться их решению.

Многие из тех, чьи имена занимают самое видное место в моих воспоминаниях об этом съезде 1884 г., теперь ушли от нас, и их упоминание просто дало бы список имен, малоизвестных нынешнему поколению теософов. Но они имеются в "Страницах старого дневника" нашего Президента-основателя, а фотографии многих из них можно увидеть в серии мемуаров о "Достойных теософах", выходявших несколько лет назад* в журнале "Теософист", а также в монументальном труде Ч. Джинараджадасы "Золотая книга Теософического Общества"**. Многие из них были людьми с благородной репутацией и занимали высокое положение в обществе, и я ценю честь быть с ними знакомым, пусть и немного. Секретарем-регистратором тогда был молодой маратхский брахман Дамодар Кешуб Маваланкар, и насколько я помню, из молодых людей лишь он и один южный брахман брали на себя значительную часть работы, хотя публичные встречи посещали многие сотни учащихся.

* "Theosophical Worthies" (данная книга написана приблизительно в 1930 г.) — *Прим. пер.*

** С. Jinarajadasa, "The Golden Book of The Theosophical Society".

Этот молодой брахман был в некотором роде загадкой. Как я понял, его настоящим именем было М. Кришнамачари, но в тот период, о котором я пишу, все знали его как Бабаджи (или Баваджи) Дарбхагири Натха. Но это северное имя, а не южное, и из упоминания в одной из книг Синнетта выходит, что в северной Индии действительно жил человек по имени Бабаджи Дарбхагири Натх, сыгравший некоторую роль в ранней истории Теософического Общества. Но это был точно не тот человек, которого я видел в Адьяре, поскольку у Синнетта он был описан как высокий и дородный человек, тогда как этот молодой человек был почти что карликом. Тогда казалось, что он глубоко предан Блаватской, и когда несколько позже она отправилась в Европу, он был одним из сопровождавших её; но потом, по некой неизвестной причине, он обратился против нее, и нападал на нее самым грубым образом. Я помню, как Блаватская написала мне письмо, в котором горько жаловалась на его злобную и клеветническую деятельность, и

учитель Кут Хуми в ходе пересылки по почте прокомментировал это письмо (как часто делали Учителя в те дни) и сказал, что маленький человек провалился.*

* Письмо Блаватской и добавление Учителя см. в Приложении II. — *Прим. пер.*

По некой причине и этот молодой человек, и Дамодар во время съезда 1884 г. носили очень любопытные костюмы, состоявшие в основном из длинного шелкового одеяния, в котором перемежались голубые и белые клинья. Естественно, пошел слух, что это нечто вроде формы, предписанной чела́м Учителей! Но я никогда не видел, чтобы кто-либо носил это с тех пор.

Посещение Бирмы

Вскоре после окончания съезда полковник Олкотт попросил меня сопроводить его в экспедиции, целью которой было познакомиться с теософией Бирму. Кажется, мы получили приглашение от короля Тхибоу, или во всяком случае нам намекнули, что королю было бы любопытно увидеть белого человека, который стал буддистом, и он приветствовал бы такой визит. Потому на пароходе "Азия", принадлежавшем компании Британской Индии, мы отправились в Рангун. Тогдашние пароходы этой компании были не таковы, как теперешние, и "Азия" была судном водоизмещением всего в 1200 или 1300 тонн. В те времена они не ходили прямо в Рангун, но по пути заходили в Масулипатнам, Коканаду, Вишакхапатнам и Бимлипатнам, только из этого последнего пункта уже направляясь прямо через залив.

Капитаном "Азии" тогда был мой старый школьный приятель, тот самый, от которого я впервые услышал о Блаватской, и я был рад возможности плыть с ним. Я помню, что он сказал нам, что лучшая каюта на корабле — №11, и посоветовал нам забронировать её для себя, что мы и сделали.

Маленький курьезный факт

Но здесь я встретился с примером пустячного, но любопытного явления, которое, похоже, преследовало полковника. Беседы с индийскими пандитами очень сильно убедили его в важности священного числа 7, и в результате этого он всегда следил за появлением этого числа во всевозможных мелочах повседневной жизни. Можно было бы посмеяться над этим, как над маленьким безобидным суеверием, если бы не тот факт, что это число действительно преследовало его самым необычайным образом. В журнале "Теософист" за март 1892 г. он пишет о Е. П. Блаватской:

"В книге Синнетта я заметил совпадение — она прибыла в Нью-Йорк 7 июля 1873 года, то есть в седьмой день седьмого месяца сорок второго (6×7) года её жизни, и наша встреча откладывалась, пока мне тоже не исполнилось сорок два. Следует также заметить, что она умерла в седьмом месяце семнадцатого года нашего сотрудничества в области теософии. Добавьте к этому следующий факт — Анни

Безант пришла к ней в качестве кандидата в члены в седьмой месяц семнадцатого года с тех пор, как окончательно вышла из христианского сообщества (и самой Безант тогда тоже было сорок два года), так что у нас уже есть замечательный ряд совпадений. Моя собственная смерть, когда бы она ни наступила, несомненно случится в такой день, который подчеркнет судьбоносность числа семь в истории нашего Общества и двух его основателей."

Его пророчество точно исполнилось, ведь он умер в 7 часов 17 минут 17 февраля 1907 года.

Но, как я уже сказал, это число тотально преследовало его в обычной жизни самым занятым образом. Я часто с ним путешествовал, и это действительный факт, что ему вряд ли мог достаться железнодорожный или даже трамвайный билет, который не содержал бы числа 7, а если по каким-то странным обстоятельствам само число случайно не появлялось, тогда цифры числа уж обязательно давали семь при сложении или делились на семь. В только что упомянутом мною случае мы заказали каюту №11, и она, как и следовало, была указана в наших билетах, но когда в день отплытия мы прибыли на корабль, мой друг капитан встретил нас, рассыпаясь в извинениях — по какой-то ошибке места в каюте 11 были забронированы дважды и поэтому нас перевели в номер 7!

Ещё я помню, как в том же путешествии мы однажды заблудились, гуляя в пригородах Рангуна, и вскоре, увидев полицейского, стоявшего на перекрестке двух дорог, полковник заметил, что мы могли бы спросить дорогу у него. Но как мы только подошли к нему, полковник шепнул: "отметьте номер". Я взглянул на номер на фуражке полицейского, и рассмеялся, увидев, что он был 77. Я не имею ни малейшего понятия, что значил этот маленький курьезный феномен и как он осуществлялся, но могу засвидетельствовать, что это факт, и полковник, хотя и смеялся над этим, всё же частично верил в него, как в знак удачи. Ведь вскочив в трамвай, носивший этот мистический номер или какое-нибудь повторение семерок, он говорил: "Ха! Теперь я знаю, что у нас будет неплохая встреча!".*

* См. также статью Е. П. Блаватской "Число семь и наше Общество". — *Прим. пер.*

Наша жизнь в Бирме

Это волшебство сработало и в случае нашего путешествия в Бирму, так как оно оказалось очень приятным, а наше пребывание в стране — успешным и интересным. Тогдашний Рангун сильно отличался от теперешнего — практически весь город состоял из деревянных домов. Помню, что мы остановились у некоего Маунга Хтун Аунга, жившего в тогдашнем начале улицы Фэйр, и я совершал долгие прогулки через джунгли пригородов Кеммендайн и Инсейн, в одну из которых пережил любопытный опыт — лицом к лицу столкнулся с животным вроде леопарда, который смотрел на меня горящими глазами, как мне казалось, несколько минут, хотя на самом деле, вероятно, около тридцати секунд, прежде чем решил, что я безобиден, и мирно пошел своей дорогой.

Мы обнаружили, что изложение буддизма Олкоттом вызвало значительный интерес. Множество бирманских джентльменов каждый вечер собирались в комнатах нашего хозяина, и часто у нас с ними были интересные и развлекательные беседы. Интерес, однако, не был ограничен лишь коренными жителями страны. Там было также значительное тамильское население, и полковник мог говорить с ними об индуизме так же свободно и поучительно, как говорил с бирманцами о буддизме. Точно так же я слышал, как он целый час говорил перед парсийской аудиторией о зороастризме, и поскольку было совершенно очевидно, что он не являлся академическим ученым в обычном смысле слова и не изучал в подробностях какое-либо из восточных писаний, я однажды спросил его, как же он без этих детальных знаний тем не менее может объяснять учение этих разных религий и в каждом случае бросать на них свет, которого их собственные наставники не давали.

Он ответил: "Парень, конечно, я не знаю подробностей всех этих религий, но знаю свою теософию и обнаруживаю, что она всегда ко всему подходит и всё объясняет. Они излагают разные проблемы, я внимательно слушаю, а затем применяю свой здравый смысл." И я могу засвидетельствовать, что этот метод действовал.

Полковник также завязал знакомство с некоторыми европейскими и азиатскими джентльменами, глубоко интересовавшимися явлениями месмеризма, а поскольку он сам был сильным месмеристом, то скоро смог образовать небольшую группу изучающих это направление. Но когда вся эта работа в разных направлениях так хорошо началась, от Дамодара ему пришла телеграмма, в которой тот просил Олкотта срочно вернуться, поскольку Блаватская была опасно больна. Конечно, он первым же пароходом вернулся в Мадрас, оставив меня в Рангуне пытаться удержать вместе все эти разнообразные элементы, что было достаточно серьезным предприятием для человека, которому этот конкретный тип работы был совершенно в новинку. Тем не менее, я сделал всё, что было в моих силах, хотя боюсь, что мне нехватало такого же лёгкого и живого ума, как у полковника, и его умения объяснять.

По прибытии в Мадрас он обнаружил Блаватскую в самом серьезном положении, и думаю, что в течение трех или четырех дней он был совершенно неуверен в том, что она пойдет на поправку. Но в конце этого периода её учитель нанес ей один из тех визитов, при которых он предлагал ей выбор — оставить это ужасно ослабленное тело или ещё поносить его, чтобы выполнить ещё одну часть работы, прежде чем окончательно его отбросить. Похоже, в ходе её миссии это случалось неоднократно, и каждый раз она выбирала более трудный путь и получала от учителя дополнительные силы, чтобы продолжить немного ещё. В этот раз ей стало намного лучше столь внезапно, что она решила отправить полковника обратно в Бирму, так что он вернулся тем же пароходом, который и доставил его в Индию — "Ориентал". Вряд ли мне нужно говорить, как рад я был встретить его и узнать о столь чудесном выздоровлении Блаватской.

Он снова взялся за работу с предельным энтузиазмом и основал по меньшей мере три отдельных филиала Теософического Общества — отделение Шве Дагон для бирманцев, где изучался буддизм, Рангунское Теософическое Общество для тамильских членов и Теософическое Общество для европейских и евразийских

исследователей месмеризма. Шве Дагон — это великолепная золотая пагода, стоящая на отроге холмов в стороне от города, и как говорят, она содержит останки не только Гаутамы Будды, но также и трех будд, предшествовавших ему в этом мире — её замечательный колоколообразный купол возвышается на 112 метров над своим основанием, которое само на 50 метров выше окружающей местности. Весь этот огромный купол покрыт золотыми листьями, которые постоянно обновляются, так что легко представить, что эффект получается великолепный, и эта ступа* является ориентиром, видимым на много километров вокруг.

* В оригинале "дагоба", это название употребительно в странах Юго-восточной Азии. — *Прим. пер.*

Само основание имеет размеры 275 на 213 метров и содержит множество небольших храмов, часовен и домов для отдыха, в которых — тысячи изображений Будды, приподнесенных бесчисленными последователями с 588 г. до н. э., когда и началось строительство этой ступы, хотя говорят, что место это было священным за века до этого. Я помню удивительный художественный эффект, когда утром, сразу после восхода, полковник Олкотт читал на этой платформе лекцию, стоя на небольшом возвышении из нескольких ступеней, а слушатели расселись по огромной каменной платформе. Праздничные одежды бирманцев окрашены ярче, чем любые другие в мире, и сидя у ног полковника и оглядывая аудиторию, я мог сравнить её лишь с огромным полем самых ярких цветов — вроде тех, что можно видеть из поезда, проезжая по Голландии в сезон, когда цветут тюльпаны и желтые нарциссы. Годами позже я сам говорил с этой платформы и даже давал там огромной толпе *пансил*, и всегда можно было видеть тот же восхитительный эффект.

В ходе многих продолжительных разговоров с нашим хозяином и другими бирманскими друзьями, все из которых были уже в преклонном возрасте и занимали важное положение в буддийском сообществе Рангуна, полковник стал очень серьезно сомневаться в мудрости и полезности предложенного визита к королю Тхибоу, в его столицу, Мандалай, в верхней Бирме. В своих "Страницах старого дневника" Олкотт говорит, что наши советчики дали этому монарху исключительно плохую характеристику, с сожалением признавая, что он разложившийся тиран и монстр порока и жесткости, а его мотивом пригласить нас было просто любопытство — желание увидеть белого буддиста, а вовсе не энтузиазм к буддизму, столь недостойным представителем которого он сам являлся. Заявлялось также, что надменное и нечестное обращение этого короля с английскими купцами почти точно приведет к войне, которая непременно сведет насмарку все попытки познакомить его владения с теософией. Так что полковник решил отменить намечавшееся путешествие на север и заменить его туром по южной Бирме, Ассаму и Бенгалии. Однако, даже этому плану в тот период не суждено было сбыться, поскольку мы были спешно отозваны назад новостями о том, что у Блаватской случился опасный рецидив.

Два религиозных лидера

Но прежде чем рассказать о нашем возвращении, мне нужно не забыть описать две очень интересные беседы. Первой была беседа с Тха-тха-на-байнг, главным старейшиной Мандалая, кем-то вроде бирманского архиепископа Кентерберийского, который посетил Рангун во время нашего там пребывания и был столь добр, что удостоил нас аудиенции. Помню, что из уважения к его религиозному сану мне пришлось три часа просидеть в самой неудобной и скрюченной позе, пока он вел проницательную беседу с полковником Олкоттом по разным моментам буддийской доктрины. Естественно, по-английски он не говорил, так что каждое предложение нужно было переводить, и часто оказывалось трудно прийти к взаимопониманию. Но всё же я думаю, что этот весьма способный и несколько скептический пожилой джентльмен в конце концов был удовлетворен, убедившись, что мы действительно настоящие буддисты!

Другой разговор тоже был с лицом религиозного сана, но человеком совсем другого типа — мягким и святым католическим епископом Биганде, тогдашним апостолическим викарием Южной Бирмы. За то долгое время, которое он занимал этот пост, он сильно заинтересовался религией страны и написал весьма ценный и симпатизирующий труд — "Легенда о Гаутаме", который был издан двумя томами в "Восточной серии" Трюбнера. Так что, обратившись к нему, мы были уверены, что сойдемся во многих моментах, и мы не были разочарованы. Он принял нас очень любезно, похвалив Олкотта за его "Буддийский катехизис", с которым, как сказал он, по полезности не могла сравниться никакая другая книга по религии Шакьямуни. Он самым решительным образом заверил нас, что не больше сомневается в спасении своих буддийских друзей и ближних, чем в своем собственном, и говорил об их порядочности, доброте и хорошем нраве. Полковник был очень им впечатлен и будучи непривычен к общению с лицами епископского ранга, настойчиво обращался к нему "ваше достоинство" вместо принятого "владыка".

Наше путешествие обратно

Мы покинули Рангун на пароходе "Хималая" компании Британской Индии, и путешествие наше было весьма примечательным. Должно быть, мы отплыли при неблагоприятных астрологических обстоятельствах, ведь хотя мы пересекали Бенгальский Залив при прекрасной погоде, каждый день с нами случалось какое-нибудь курьёзное маленькое несчастье. На борту у нас было несколько миссионеров, а как известно, моряки большинства стран считают их птицами, несущими дурное предзнаменование, и верным знаком несчастья, так что прежде чем мы достигли Бимлипатнама, наша индийская команда пришла в состояние ужаса и была на грани бунта.

В первый же день отказали машины, но поскольку в те времена на многих пароходах были также и паруса, и мы имели оснащение брига, мы несколько часов плыли, как на яхте, со скоростью около двух узлов, пока не был выполнен ремонт. На следующий день палубный пассажир-индеец упал за борт, и судну пришлось

остановиться и спустить шлюпку, чтобы его спасти, и сделать круг, чтобы его подобрать. Любопытно, что полковник рассказал нам, как за пять месяцев до этого в Париже ясновидящий описал эту сцену, сказав, что он видел его на пароходе в далеком море; какой-то пассажир упал за борт, корабль остановился, была спущена шлюпка, и пароход двигался по кругу. Обычно пароход никогда не движется по кругу, если он не выверяет компас, и этот момент поразил полковника, как странный, и он его отметил, мало ожидая, что видение окажется пророческим, отразив событие, которое должно было произойти почти через полгода на другом конце мира.

Пассажир был спасен, и инцидент не имел серьезных последствий, но команда всё же начала роптать, и её нервозность была усилена последовавшим за этим необъяснимым возгоранием груза. Очень скоро огонь потух, не нанеся большого ущерба, но смута возрастала и достигла кульминации днём позже, когда среди пассажиров четвёртого класса обнаружился случай оспы! Кажется, как раз на следующий день мы уже увидели берег Индии, прежде чем пробил час свалившегося на нас нового несчастья.

Смута в Адьяре

Прибыв в Адьяр, мы обнаружили там преобладание самых неудовлетворительных обстоятельств. Штаб-квартира вовсе не была мирной гаванью, каковою ей надлежало быть, но вместо этого её наполняло беспокойство и недоверие. Несмотря на решение съезда, её обитатели всё ещё были разделены по вопросу, следует ли Блаватской преследовать в суде миссионеров за клевету. Там было много придерживавшихся мнения, что лишь с помощью успешного иска она сможет реабилитировать себя в глазах мира, да и сама она сильно склонялась к тому, чтобы согласиться с ними, в то время как другие считали, что такое дело не может кончиться ничем иным, кроме катастрофы.

Европейская часть обитателей штаб-квартиры в то время была весьма недовольна тем, как Олкотт вёл дела Теософического Общества, и желала, чтобы он передал контроль над ними комитету, состоявшему, если я правильно помню, из них самих и одного индийского джентльмена в качестве сотрудника. Лично мне это казалось ужасно нечестным предложением, и я отказался принимать в этом какое-либо участие, а Олкотт, вполне естественно, не чувствовал, что может передать недовольным свою президентскую ответственность. Во время его отсутствия они вытянули у Блаватской неохотное и половинчатое согласие с их планом, когда она была слишком больна, чтобы полностью понять масштабы их предложения — они запугивали её пророчествами о неминуемом распаде и крахе Теософического Общества, если их рецепт не будет немедленно принят. Но как только она поправилась, а полковник Олкотт объяснил ей изнанку их с виду умеренных требований, она сразу отозвала своё вынужденное согласие и энергично отвергла эту группу заговорщиков.

Отъезд Блаватской

Под постоянным изнуряющим давлением всех этих сложностей, Блаватская, похоже, была совершенно не в состоянии поправить своё здоровье, и огорчение, которое причиняла ей эта непрерывная цепь неприятностей, было столь велико, что наконец её врач категорически заявил, что если она полностью не покинет своё нынешнее окружение, её болезнь в очень скором времени может кончиться фатально. Наконец, с огромным трудом мы получили её согласие на то, что она временно переедет в Европу, и к концу марта она действительно отплыла на пароходе "Тибр" в сопровождении доктора Франца Хартманна, мисс Мэри Флинн и самозванного Бабаджи Дарбхагири Натха. Дамодар Кешуб Маваланкар уже покинул Адьяр 23 февраля, ещё до нашего возвращения из Бирмы, а поскольку планы европейской клики по захвату влияния провалились, заговорщики тоже быстро уехали, и адьярская штаб-квартира казалась пустой и покинутой.

Вскоре после этого полковник Олкотт отбыл в одно из своих частых турне, но прежде чем уехать, он предложил мне на выбор два направления работы. Я мог отправиться в Галле и принять руководство над недавно основанной там теософической школой, или остаться в штаб-квартире и занять должность секретаря-регистратора Теософического Общества. Я выбрал последнее, главным образом потому, что это позволяло мне оставаться в центре движения, где, как я знал, в материализованных формах часто показывались наши Учителя.

Хотя секретарь-регистратор должен был также выполнять функции управляющего редакции "Теософиста" и книжного издательства, в те ранние дни эта работа всё же была очень лёгкой. Я старался изо всех сил, но боюсь, что ни в одной из этих функций блистательного успеха не достиг, потому что был совершенно неопытен в бизнесе и имел мало представления о том, какие книги будут продаваться хорошо, а какие не будут. Моим предшественником в этой должности был вышеупомянутый Дамодар, и хотя я мало понимал в бизнесе, мне думается, что он должно быть понимал в нём ещё меньше, поскольку я нашёл все дела в состоянии хаоса, а на полу лежали груды неотвеченных и даже нераспечатанных писем. Я думаю, что фактически Дамодар настолько всецело жил на высших планах, что в действительности у него не оставалось времени для физического, и полагаю, что он даже испытывал к нему сильное отвращение. Он писал статьи и письма с огромной силой и неустанным усердием, а мирские соображения, подобные заполнению заказов на книги и подтверждению подписок, просто не входили в мир его мысли вообще. Наша контора в то время представляла собой длинную центральную комнату с большой верандой, выходившей на реку и на то место, где теперь стоят статуи Основателей. Сейчас она используется в качестве такого читального зала, будучи дополнением к библиотеке.

Учителя материализуются

Я уже говорил, что в те времена наши Учителя иногда материализовывались. Следует помнить, что тогда никто из нас, кроме самой Блаватской (и в некоторой степени Дамодара) не развил астрального зрения в такой мере, чтобы пользоваться

им, будучи в бодрствующем состоянии в физическом теле. Не мог никто иной и доставлять сообщения с высших планов с требуемой достоверностью. Так что когда наши Учителя желали передать что-нибудь именно нам, им приходилось либо объявлять это через Е. П. Блаватскую, написав это в письме, которое материализовывалось феноменальным способом, либо показываться в материализованной форме и говорить устно.

Именно в таких материализованных формах я впервые и увидел обоих Учителей, наиболее тесно связанных с Теософическим Обществом. Моего собственного учителя, известного нам теперь как чохан Кут Хуми, я впервые встретил (на физическом плане) на квадрате крыши перед дверью комнаты президента, которую тогда занимала Е. П. Блаватская. Сделанные с тех пор добавления так изменили вид этой крыши, что теперь нелегко точно проследить контуры прежнего здания, но тогда там было нечто вроде баллюстрады, проходившей спереди дома по краю крыши, и случилось так, что я смотрел в её сторону, когда Учитель материализовался, как раз переступая через эту баллюстраду, будто до этого он летел по воздуху.

Естественно, я бросился вперёд и простёрся перед ним. Он поднял меня с доброй улыбкой, сказав, что хотя такая демонстрация почтения в обычае у народов Индии, он не ожидает такого от европейских учеников, и пожалуй, если каждая нация ограничится собственными методами приветствия, будет только меньше случаев для неловкости и затруднения.

А первый раз увидеть Учителя Морью я удостоился чести в одном из уже упомянутых случаев, когда он посещал Блаватскую и возобновлял её силы, чтобы она могла нести бремя своих тяжких трудов.

Тем, кто знаком с расположением комнат президента в 1885 году, будет понятно, что я имею в виду, сказав, что мы трое — европейская дама, видный индийский член и я — сидели в прихожей, от которой под прямым углом отходила спальня Блаватской. (Квадратная комната, которую наш президент занимает сейчас, тогда ещё не была добавлена). Дама сидела на диванной подушке справа от входной двери, облокотившись на перила лестницы, идущей вниз, в ванную. Индийский брат и я сидели на полу в противоположном углу этой небольшой прихожей, прислонившись спинами к краю дивана, который стоял сразу справа от двери в спальню Блаватской.

Удивительное изменение

Сама наша основательница лежала в этой спальне на кровати в состоянии крайней слабости. Она только что погрузилась в сон, так что ухаживавшая за ней женщина решила, что вполне может выкроить несколько минут передышки, и вышла посидеть с нами. Она слёзно описывала нам исключительную слабость Блаватской, когда внезапно прервалась и сказала: "Кто бы это мог быть?" — ибо все мы слышали твёрдые и быстрые шаги, приближавшиеся к нам по открытой тогда крыше за спальней. Шаги приближались оттуда сверху, быстро прошли

перед окном, к которому мы были обращены, и в комнату вошёл Учитель Морья; но женщина его не видела, поскольку когда он вошёл, напряжённое выражение покинуло её лицо, и она откинулась на свою подушку, будто уже спала. Мы с индийцем вскочили на ноги и простёрлись, но Учитель Морья с яркой улыбкой и благословляющим мановением руки быстро прошёл мимо нас и свернул в спальню Блаватской.

Мы слышали её восклицание, затем несколько слов, произнесённых его голосом, и её ответ, а через несколько минут он опять вышел тем же быстрым шагом, снова улыбкой ответив на наши приветствия и удалился тем же путём, каким и пришёл. Только после того, как он покинул комнату, дама поднялась из своего угла с восклицанием: "о, кто это был?".

Но прежде чем мы смогли обсудить этот вопрос, наше внимание было отвлечено криком мадам Блаватской, призывающей сиделку. Его тон был удивительно громким и твёрдым:

"Где моё платье? Я хочу одеться!". Сиделка с отчаянием взглянула на нас (поскольку доктор прописал больной абсолютный покой), но Блаватская была из тех, "кому повинуются", причём в очень значительной мере, и конечно, она была тут же одета и вышла гораздо более похожей на прежнюю себя. Её учитель спросил её, желает ли она уйти — а она была очень близка к тому и испытывала страшные страдания, — или решит поддерживать физическое тело ещё несколько лет, чтобы написать свою великую книгу "Тайная доктрина". Она выбрала остаться. Не думаю, что я преувеличу, сказав, что с того времени она едва ли имела час, свободный от боли, но она боролась с ней великолепно. Она написала эту книгу, и теперь она остаётся памятником, который простоит века. Я думаю, Блаватская никогда не будет забыта, пока эта и другие её книги остаются, чтобы говорить о ней и от её имени.

Уединённая жизнь

Я сказал, что когда полковник Олкотт оставил нас, отправившись в своё путешествие, Адьяр опустел; и к сожалению, бюджет его тоже был в таком же состоянии, так что тем совсем немногим из нас, кто остался, было предписано соблюдать строжайшую экономию. Мы с мистером Купер-Оукли долгое время были там единственными европейцами, а поскольку он жил на крыше в одной из дальних комнат (которую потом занял доктор Инглиш), а я — в восточной восьмиугольной комнате, то я почти его не видел, кроме краткого утреннего обмена приветствиями. Мы жили жизнью почти аскетической — там практически не было слуг, кроме двух садовников и Маникама — мальчика, работавшего в конторе. Я не совсем знаю, как мистер Оукли вёл своё хозяйство; что же до меня, то каждое утро я насыпал большую порцию пшеничных хлопьев в двойную кастрюлю, устроенную так, что они не пригорали, ставил её и шёл купаться в реке Адьяр (в те времена она была чище). Через полчаса или около того я возвращался, и моя пшеница была как раз готова. Затем упомянутый мальчик приводил к моей веранде корову и доил её на месте в мой собственный сосуд, принося мне также

гроздь бананов из поместья, если они были. Я съедал половину пшеницы, оставляя другую половину для второго приёма пищи, который был около четырёх дня или когда возвращалась корова. Тогда я подогревал оставшуюся пшеницу и роскошно этим обедал. В тот период адьярский бюджет, вероятно, был проще, чем когда-либо с тех пор!

Неожиданное развитие

Следует понимать, что в те времена я не обладал никакими способностями ясновидения, да и не считал себя вообще чувствительным. Помню, что у меня было убеждение, что человек должен *родиться* с какими-то психическими способностями и чувствительным телом, прежде чем он сможет что-то предпринять в направлении такого развития. Так что я никогда не думал, что в этом воплощении прогресс этого рода для меня возможен, но имел некоторую надежду, что если в этой жизни я буду работать так хорошо, как умею, то в следующий раз я мог бы родиться с проводниками, более подходящими для этого конкретного направления развития.

Однако, в один прекрасный день, когда Учитель Кут Хуми удостоил меня визитом, он спросил меня, пытался ли я когда-нибудь пробовать определённый тип медитации, связанной с развитием таинственной силы, именуемой *кундалини*. Я, конечно, слышал об этой силе, но очень мало о ней знал. Так или иначе, я полагал, что она совершенно недостижима для западных людей. Однако, он порекомендовал мне предпринять усилия в определённом направлении, взяв с меня обещание не раскрывать никому эти методы без его прямого разрешения, и сказал, что он лично будет следить за моими усилиями, чтобы избежать опасности.

Естественно, что я принял его предложение, и планомерно, и я думаю, что могу сказать даже интенсивно, стал день за днём работать над этим видом медитации. Должен признать, что это было очень трудной работой, и иногда определённо болезненной, но всё же я выстоял и начал получать результаты, к которым меня готовили. Для этого должны были быть открыты некоторые каналы, а некоторые разделяющие элементы разрушены, и мне было сказано, что в среднем требуется сорок дней, если, конечно, усилия действительно энергичные и постоянные. Я работал над этим сорок два дня, и мне казалось, что я был уже на пороге окончательной победы, когда сам Учитель вмешался и произвёл окончательный прорыв, который завершил процесс, тем позволив мне пользоваться астральным зрением, в то же время сохраняя полное сознание в физическом теле. Это равнозначно тому, что астральное сознание и память становятся непрерывными вне зависимости от того, бодрствует физическое тело или спит. Мне дали понять, что мои собственные усилия позволили бы мне сделать прорыв где-то через сутки, но Учитель вмешался, потому что хотел сразу же занять меня в кое-какой работе.

Психическая тренировка

Однако, вовсе не следует полагать, что достижение этой конкретной способности есть конец всего оккультного обучения. Напротив, оказалось, что это было лишь началом целого года самой тяжёлой работы, которой мне когда-либо приходилось заниматься. Нужно заметить, что я жил тогда в восьмиугольной комнате возле реки. Каждый день я в одиночестве проводил там долгие часы и был практически полностью защищён от каких-либо вторжений, за исключением времени приёма пищи, о чём я уже упоминал. Некоторые из Учителей были столь любезны, что посещали меня в этот период, давая мне различные намёки, но самые необходимые указания дал мне учитель Джуал Кхул. Возможно, его подвинул на такую доброту тот факт, что мы были тесно связаны в прошлой жизни, когда я учился у него в пифагорейской школе, которую он учредил в Афинах, а после его смерти даже удостоился чести заведовать ей. Я не знаю, как благодарить его за то огромное количество заботы и труда, которое он потратил на моё психическое обучение. Терпеливо, снова и снова создавал он какую-нибудь живую мыслеформу и спрашивал меня — что ты видишь? И когда я описывал увиденное настолько хорошо, насколько позволяли мне способности, то снова и снова получал ответ — нет, ты видишь неверно, ты не видишь всего, погрузись глубже в себя, используй ментальное зрение наряду с астральным, стремись проникнуть ещё дальше, ещё выше.

Часто этот процесс приходилось повторять много раз, пока мой наставник не был удовлетворён. Ученика нужно проверить всеми способами и во всех мыслимых условиях. К концу этого обучения даже специально привлекаются шаловливые природные духи, которым приказывают всеми возможными способами стараться привести видящего в замешательство или сбить с толку. Это, несомненно, тяжёлая работа, и налагаемое ею напряжение, полагаю, как раз на пределе человеческих возможностей, но достигаемый результат более чем окупается, поскольку это прямо ведёт к единению между низшим и высшим "я" и даёт полную уверенность в знании, которая основывается на опыте и которой никакие будущие события не могут поколебать.

А на физическом плане, чтобы принять участие в обучении и проверке, в штаб-квартиру часто приезжал наш великий пандит свами Субба Роу, и я чувствую, что никогда не смогу достаточно отблагодарить двух этих великих людей за всю помощь, которую они оказали мне на этом критическом этапе моей жизни. Когда этот путь раз открывается, уже нет конца возможностям дальнейшего раскрытия, и думаю, что без всякого страха преувеличения я могу сказать, что за 45 лет, прошедших с тех пор, не было дня, когда бы я не узнал какой-нибудь новый факт. Йога посвящённых, как и всякая другая йога, состоит в неуклонном стремлении вверх, через всё более высокие уровни, к единству с божественным. Приходится работать над постоянным продвижением сознания с одного подплана буддхического плана на другой, а затем через план нирваны, но даже после всего этого ещё остаются иные, бесчисленные миры, которые можно покорить, ибо сила, мудрость и любовь Бесконечного подобны огромному месторождению драгоценных камней, которое можно разрабатывать всё глубже, никогда не его исчерпывая. Но лучше, пожалуй, сравнить их с безбрежным морем, в которое падает капля росы, но при этом там не теряется, а скорее чувствует, будто она

вобрала весь этот океан в себя. "Отныне не я, но То, во всей своей силе и любви, живёт во мне".

На этом я должен закончить данный фрагмент автобиографии, ибо так пришла ко мне теософия — во-первых, через нашу великую основательницу Е. П. Блаватскую на плане физическом, а затем, гораздо полнее и на более высоких уровнях бытия, через других членов Великого Белого Братства, с которыми она меня познакомила. Пусть все мои братья найдут в теософии мир и счастье, которые обрёл я!

Мир всем существам

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Письмо К. Х. к Ледбитеру.

Прошлой весной, 3 марта, вы написали мне письмо и доверили его "Эрнесту". Хотя сама бумага так и не дошла до меня — да и вряд ли могла, учитывая природу посланника — содержание её дошло. Я не ответил на письмо тогда, но послал вам предостережение через Упасику.

В этом вашем послании было сказано, что после чтения "Эзот. буддизма" и "Изиды", вашим "единственным большим желанием было стать *моим челой*, что вы желали бы узнать большие истины". "Как я понял из высказываний м-ра С.,* — продолжали вы, — будет почти невозможно стать челой, не отправившись в Индию." Вы надеялись, что сможете сделать это через несколько лет, так как узы благодарности обязывают вас пока оставаться в этой стране, и т. д.

* А. П. Синнетт — прим. ред.

Теперь я отвечаю на вышесказанное и другие ваши вопросы.

1. Находиться в Индии в продолжение семи лет испытания необходимости *нет*. Чела может провести их где угодно.
2. Принятие какого-либо человека в качестве челы не зависит от моей личной воли. Это может быть лишь результатом его личных заслуг и усилий в этом направлении. Действенно стремитесь к одному из Учителей по своему выбору, делайте добрые дела во имя его и ради любви к человечеству, будьте чисты и непоколебимы на пути праведности (как заповедано в *наших* правилах), будьте честны и неэгоистичны, забудьте своё "я", чтобы помнить о благе других людей — и вы *заставите* этого Учителя принять вас.

Это требуется от кандидатов в периоды, когда развитие вашего Общества ничем не нарушается. Однако когда теософии, делу истины, приходится стоять не на жизнь, а на смерть перед судом общественного мнения — самым легкомысленно

жестоким, предубежденным и несправедливым из всех судов — должно быть сделано нечто большее. К тому же, нужно учитывать коллективную карму *касты*, к которой вы принадлежите. Нельзя отрицать, что дело, близкое вашему сердцу, сейчас страдает по причине темных интриг, подлого заговора христианского духовенства и миссионеров против Общества. Они не остановятся ни перед чем, чтобы подорвать репутацию Основателей. Вы готовы добровольно искупить *их* грехи? Тогда поезжайте в Адьяр на несколько месяцев. "Узы благодарности" от этого не порвутся и даже не ослабнут из-за вашего отсутствия в течение нескольких месяцев, если этот шаг будет благовидно объяснен вашему родственнику. Тот, кто хотел бы сократить годы испытаний, должен жертвовать ради теософии. Подтолкнутое злобными руками к самому краю пропасти, Общество нуждается в каждом человеке, достаточно сильном для дела истины. Чтобы пожать плоды заслуг, нужно именно *делать* благородные дела, а не просто их планировать. Как для "истинного человека" Карлайла, не соблазняющегося легкостью, для сердца *истинного* челы в час испытаний "действенными *приманками* являются трудности, самоотречение, мученичество и смерть".

Вы спрашиваете меня: "Какие правила я должен соблюдать во время этого испытательного срока и как скоро я осмелюсь надеяться, что он может начаться?". Я отвечаю: "Ваше будущее в ваших собственных руках, как показано выше, и каждый день вы можете ткать его ткань. Если бы я *потребовал*, чтобы вы сделали то или иное, вместо того, чтобы просто посоветовать, я бы нес ответственность за каждое следствие, вытекающее из этого шага, а ваша заслуга была бы второстепенной. Подумайте, и вы увидите, что это правда. Так что поручите свою судьбу Справедливости, никогда не опасаясь, ибо её ответ будет абсолютно истинным. Челство — стадия обучения, так же, как испытания, и лишь от самого челы зависит, закончится ли оно адепством или провалом. Из-за ошибочного представления о нашей системе челы слишком часто выжидают и ждут приказов, тратя ценное время, которое можно было бы заполнить личными усилиями. Наше дело нуждается в миссионерах, энтузиастах, посредниках, и даже, пожалуй, в мучениках. Но оно не может требовать от кого-либо сделаться таковым. Так что выбирайте теперь и возьмите свою судьбу в свои руки — и пусть память нашего Господа Татхагаты поможет вам принять лучшее решение.

К. Х.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Письмо Е. П. Блаватской к Ледбитеру

Эльберфельд, 23 июня 1886

Мой дражайший Ледбитер!

Я была рада — искренне — получить ваше приветственное письмо. Что же до приложения, то я не возьму на себя его пересылку. Я не могу сделать этого, мой дорогой друг; я поклялась не доставлять больше писем, и Учитель дал мне право и привилегию отказать. Так что я отложила его и посылаю вам таким, как получила его. Если бы махатма К. Х. принял письмо и захотел бы прочитать, он бы забрал его из моего ящика, и то, что оно остаётся на месте, показывает мне, что он отказывается от него.

Теперь узнайте о новом развитии событий. Баваджи всецело *против нас и склоняется к разрушению Т. О.* Месяц назад он был в Лондоне и готовился плыть обратно в Индию. Теперь он здесь — и только небесам известно, *когда* он уедет, поскольку он живёт с Франком Гебхардом (старшим сыном, который на его стороне, и кого он крайне *психологизировал*), и посеял разногласия и споры в семье Гебхардов; мать, отец и два сына — Артур и Рудольф, — остающиеся верными учению Учителей, — со мной, а Франк — на его стороне. Он никогда не приходит к нам, хотя живёт через дорогу — и пишет и пишет тома учений *против наших доктрин*. Он делает и большее; он объявил всем, что собирается опубликовать манифест, в котором выразит сожаление, что внёс свой вклад, дурача публику относительно характера Учителей и того, что они *будут и могут* делать. Он утверждает, что на протяжении пяти лет находился под *майей*, психологической иллюзией. Он твёрдо верил в то время, что все феномены производились Учителями, что он сам был в прямом контакте с ними и получал письма и указания, и т. п., но теперь он (Баваджи) знает лучше. С тех пор, как он прибыл в Европу, он узнал истину, получив *озарение* (!!!). Он понял, что Учителя не могли *никогда*, ни в коем случае, связываться с нами, *ни даже со своими челами*; они никогда не могли писать сами или даже *стоять* за письмами или записками, осаждёнными с помощью их чел. Всё подобное было продуктом майи, элементаров, призраков, когда не было "обманом", говорит он. "Эзотерический буддизм" — это всё чепуха и галлюцинация. Ничто из того, что дано в "Теософисте" — не истинно. Моя "Изида" и даже "Тайная доктрина" по его мнению продиктованы мне каким-то оккультистом или "духами" — но ни в коем случае не Учителями. На вопрос, как же он приехал со мной в Европу *по приказанию* своего Учителя, как он говорил, он теперь спокойно отвечает, что *ошибался*; он "изменил своё мнение" и знает, что это была его собственная иллюзия. Олкотт никогда, никогда не лечил никого месмеризмом, и ему никогда не помогали Учителя, и т. д., и т. п.

Более того, он настойчиво оклеветал Суббу Роу, Дамодара, Олкотта и всех в Адьяре. Он заставил многих европейцев утратить к ним доверие. Субба Роу, как он говорит, никогда с своей жизни не говорил правды европейцам; он дурачит их *всегда* и является лжецом; Дамодар — также великий лжец; один он (Баваджи) знает Учителей, и кто они есть. Если коротко, то он делает из наших махатм недоступных, *безличных* существ, столь удалённых, что никто не может их достичь!!! И в то же время он сам себе противоречит; одному он говорит, что провёл 10 лет с махатмой К. Х.; другому — что 3 года, опять же, что он ездил в Тибет несколько раз и видел Учителя только издалека, когда тот входил в храм и выходил из него. Он врёт самым ужасным образом. Правда заключается в том, что

он (Б.) никогда не был в Тибете и не видел своего Учителя и с расстояния в 100 миль. *Теперь* у меня есть подтверждение этому от самого Учителя. Он был челою на испытании. Когда он прибыл в Бомбей, в Штаб-квартиру, ваш учитель приказал мне сказать всем, что он принял Кришну Свами и прислал его жить с нами и работать для Т.О. Он был послан в Симлу к м-ру С., и так сказать, *перепоручил свою личность настоящему челе*, Дхарбагири Натху, и с тех пор принял его имя. Будучи связана обетом молчания, я не могла противоречить ему, когда слышала, как он хвалился, что это *он* жил со своим учителем в Тибете и был *принят* настоящим челою. Но теперь, когда он провалился как "испытуемый" по причине личных амбиций, ревности к Мохини и внезапно развившихся ярости и зависти — вплоть до ненависти — к полковнику и ко мне — теперь Учитель приказал мне рассказать правду. И что, как вы думаете, он сделал? Он посмотрел мне в лицо и спросил — что я знала о его прошлой жизни? Конечно, он не был у Учителя в течение тех пяти лет, когда он был с нами, но он знал махатму К. Х. за 12 лет до того, как впервые услышал о Т. О.!!! Когда я показала ему письмо Учителя, в котором ваш махатма подтвердил моё заявление, подчеркнув, что он (Баваджи) "никогда не видел *его* и не путешествовал в Тибет", м-р Б. спокойно сказал, что это было письмо *призрака*, поскольку махатма никогда не мог бы ни писать писем, ни что-либо говорить о своих челах.

Таким образом, он скрывается за тройной бронёй *безответственности*, и невозможно поймать его тому, кто подобно Франку Гебхарду верит, что каждое слово Б. *богowedно*. Б. не отрицает ничего; допускает всё, каждый феномен, и выкручивается из этого, говоря, что всё это *иллюзия*, его карма. Когда его ловят на вопиющем противоречии, он выворачивается, говоря, что *никакой чела не имеет воспоминания о времени, пространстве или цифрах (!)*, потому и противоречие. Когда ему показывают его собственную подпись, подтверждающую, что он защищал феномены и пропагандировал доктрины нашего Общества и Учителей, он отвечает: "О да; но я находился в иллюзии. *Теперь я изменил своё мнение*". Что тут поделаешь? Он склонился к разрушению *нашего* Общества, и когда он вернётся в Индию, то будет заронять сомнения в каждый индусский ум. Дамодар, который знает о нём правду и мог бы *разоблачить* его, далеко и не имеет желания возвращаться. Так что если Субба Роу и немногие преданные индусы не помогут полковнику разоблачить его (а Суббая Четти знает, что *он никогда не был в Тибете*), Общество пропадёт или получит ещё одно ужасное потрясение. До свидания, мой дорогой товарищ, и не теряйте, тем не менее, храбрости. Учителя *с нами* и защитят всех тех, кто твёрдо за них стоит. Пишите мне в Остэнде *до востребования*. Я буду там завтра.

Всегда вам верная и с братскими чувствами,

Е. П. Блаватская

[Постскриптум наверху первой страницы]

Мои любовь и благословения Дону Дэвиду* и всем братьям. Мои огромнейшие и уважительные салямы высшему священнослужителю Сумангале. Просите у него для меня благословения.

[Надпись, осаждённая Кут Хуми поверх письма Блаватской]

Наберитесь смелости. Я доволен вами. Действуйте по собственному усмотрению и верьте вашей лучшей интуиции. Маленький человек *потерпел неудачу* и пожнёт *свою* награду. А пока — молчание.

К. Х.

* Анагарика Х. Дхармапала, основатель общества Махабодхи — прим. ред.

Перевод К. Z.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

